ПИСЬМА Я. П. ПОЛОНСКОГО
(1857—1873)

Статья и публикация Э. А. Полоцкой

Тургенев переписывался с Я. П. Полонским с начала 1840-х годов до середины 1883 г., почти до самой своей смерти. Переписка велась сначала эпизодически, потом чаще, а в последние два года, после совместной жизни в Спасском, как бы породнившей Тургенева со всей семьей Полонского,— особенно часто.

В это сорокалетие укладывается весь большой и сложный творческий путь Тургенева и значительная часть пути Полонского, пережившего своего друга на пятнадцать лет. Из близких Тургеневу литераторов только с Анненковым он переписывался почти столь же длительное время. И мало с кем из писательского круга Тургенев, судя по его переписке, был так неизменно доброжелателен и ровен в личных отношениях, так искренен и прост, как с Полонским [1]. Вот почему переписка Тургенева с Полонским много дает для характеристики личности Тургенева, его литературных вкусов, общественных симпатий и антипатий.

Письма Тургенева к Полонскому, опубликованные в 1884 г. в Первом собрании писем Тургенева, являются источником некоторых важных фактических сведений о жизни, творчестве и взглядах писателя. Из них мы знаем об обстоятельствах появления в «Санкт-Петербургских ведомостях» 1870 г. статьи Тургенева в защиту Полонского и об участии его в сборнике «Складчина» 1874 г. С Полонским Тургенев делится своими взглядами на франко-прусскую и русско-турецкую войны. Полонскому он высказывает, в споре с ним о европейских пейзажистах, свои мысли о роли характеристических деталей в произведениях живописи, по существу — о разнице между правдоподобием и высшей правдой в искусстве. Одним из наиболее ценных источников для характеристики литературно-критических взглядов Тургенева являются его многочисленные отзывы в письмах к Полонскому о произведениях русских писателей — о «Войне и мире» Льва Толстого, о поэзии Фета, А. К. Толстого, Некрасова, самого Полонского, о творчестве Слепцова, Решетникова и др.

С беспощадной искренностью Тургенев раскрывает Полонскому в 1878 г. настоящую причину своих неоднократных попыток порвать с творческой работой — отсутствие постоянного общения с русскими людьми, оторванность от родины. В эти тяжелые для него годы он посылает Полонскому запись из своего парижского дневника, содержащую признание глубоко личного характера — о тягостных переживаниях, охвативших писателя перед лицом надвигавшейся старости. За год до смерти, уже во время тяжелой болезни, Тургенев записывает для Полонского несколько афоризмов, пришедших ему в голову «в течение уже довольно долгой жизни»; мудрость этих как будто случайных и парадоксальных, но единых своим скептическим настроением выводов продиктована тяжелым внутренним состоянием писателя, быть может, сознанием каких-то непоправимых собственных ошибок[2]. Только перед очень близким человеком у Тургенева могли прорываться подобные признания.

Следующим этапом публикации переписки Тургенева с Полонским был выход в свет восьмого тома сборника «Звенья» (М., Гос. Лит. музей, 1950). Публикация «Звеньев» («И. С. Тургенев. Переписка с Я. П. Полонским». Вступ. статья и коммент. Г. П. Миролюбова) впервые дала возможность услышать «голос» второго участника переписки — Полонского. Оказалось, что первое дошедшее до нас письмо Полонского к Тургеневу

было написано в конце 1842 г., когда Полонский, еще студентом Московского университета, встречался с Тургеневым в доме декабриста М. Ф. Орлова. И повод для знакомства (Тургенев заинтересовался одним из стихотворений Полонского, назвав его «поэтическим перлом»[3]), и содержание первого письма Полонского — несколько строк, сопровождавших рукопись его стихотворения «Орлову» («Не знаю, есть ли в нем что-нибудь хорошее»,— пишет Полонский, вызывая Тургенева на отклик),— все это характерно и для последующих отношений между Тургеневым и Полонским. Основой их сближения был, безусловно, интерес Тургенева к поэзии Полонского и встречное желание Полонского узнать мнение товарища по поэтическому творчеству о своих стихотворениях.

С годами к общим литературным интересам прибавилось много других, приятельские отношения перешли в дружбу, сам Тургенев давно уже перестал писать стихи, но основа его дружбы с Полонским осталась прежней. Не возрастом, не хронологией творческого пути Тургенева и Полонского (они начали писать почти одновременно, вскоре после смерти Пушкина), а их фактическими отношениями, широко отраженными в переписке, вызвано наше представление о Полонском как о младшем товарище Тургенева по перу, постоянно опекаемом и поддерживаемом им.

Начало частых встреч и более тесного сближения Тургенева с поэтом относится ко времени, мало отраженному в их переписке вообще и совсем не отраженному в публикации «Звеньев»,— с зимы 1854/1855 г. до конца апреля 1856 г. Тургенев и Полонский, тогда часто печатавшийся в «Современнике», встречались в дружеском кружке литераторов, близких к журналу. Как видно из воспоминаний Л. П. Шелгуновой, из дневников Полонского и Е. А. Штакеншнейдер, Тургенев и Полонский постоянно общались зимой 1855/1856 года на званых обедах, маскарадах, писательских встречах[4]. В числе других Полонский присутствовал на прощальном обеде, устроенном 30 апреля 1856 г. петербургскими литераторами в честь Тургенева, уезжавшего в Москву, а затем в Спасское и — впервые после долгого перерыва — за границу[5].

В публикации «Звеньев» отражен дальнейший этап в сближении Тургенева с Полон ским, наступивший в один из последующих приездов Тургенева в Россию; если в письме, написанном Тургеневым по приезде в Петербург в 1859 г., он обращается к Полонскому еще на «вы», то в письме, относящемся ко времени первого публичного чтения в пользу Литературного фонда (январь 1860 г.), Тургенев уже пишет: «Дома тебя застать невозможно...» и т. д. В этот приезд Тургеневу пришлось быть свидетелем и полного семейного счастья Полонского в его браке с Е. В. Устюжской, и первого семейного горя поэта (смерть малолетнего сына Андрея).

Возможно, что тогда же через Ф. И. Тютчева, бывшего председателем Комитета иностранной цензуры, Тургеневу удалось в какой-то мере содействовать поступлению Полонского на службу.

Особенно сердечными отношения Тургенева с Полонским стали, как это было видно еще из Первого собрания писем Тургенева, после смерти Е. В. Полонской, когда поэт остался один на один со своим горем. В ответ на первое письмо Полонского после случившегося несчастья Тургенев приглашает его отдохнуть весной в Спасском. «Будь уверен, что никто не принимает живейшего участия в твоей судьбе, чем я. Будь здоров и не давай жизненной ноше раздавить тебя»,— пишет он[6]. Этими словами определяется характер сложившихся отныне личных отношений Тургенева и Полонского. То утешением и практическим советом, то одобрением или критикой его произведений Тургенев с этих пор регулярно помогает Полонскому, облегчает его нелегкую жизненную ношу. А путь Полонского, действительно, был труден: успех в поэзии был более чем неустойчивым, отношение критики — часто недоброжелательным, материальное положение — тяжелым. Долгие годы поэта угнетало сознание, что его творческая деятельность — лишь придаток к официальной службе, отнимавшей много сил и времени. Общественно-литературное положение Тургенева казалось ему идеалом недосягаемой для него материальной и духовной свободы.

Из публикации «Звеньев» видно, как настойчиво Тургенев старался освободить Полонского от чрезмерной наивности в практической жизни и прекраснодушия в политических вопросах. Особенно значительны в этом отношении письма Тургенева за

1876 г., посвященные характеристике генерала М. Г. Черняева, командовавшего сербской армией: Тургенев старался разбить увлечение Полонского Черняевым, которого реакционные круги провозгласили «истинно-русским» героем. Письма эти были лишь отчасти известны по Первому собранию писем Тургенева: цензура одно из них тогда не пропустила, а в двух других сделала значительные купюры[7].

Переписка Тургенева с Полонским и его второй женой Ж. А. Полонской за 1881—1883 гг., напечатанная в «Звеньях», воспроизводит атмосферу их дружной совместной жизни летом 1881 г. в Спасском. Здесь же впервые напечатано подписанное Тургеневым письмо к Полонскому на французском языке от 26 июня/ 8 июля 1883 г., о котором раньше мы знали по дневникам Е. А. Штакеншнейдер и В. П. Гаевского.

Наконец, новыми в публикации «Звеньев» были отзывы Тургенева о некоторых произведениях Полонского (о романе «Признания Сергея Чалыгина», о поэме «Собаки» и др.), сведения о работе Полонского над поэмой «Келиот», стихотворением «Утес» и т. д. Известный интерес представляли также сообщения Полонского о реакции публики на только что появившиеся повести Тургенева «Вешние воды», «Клара Милич» и роман «Новь».

* * *

Всего в печати до сих пор было известно 161 письмо Тургенева к Полонскому[8] и 15 писем Полонского к Тургеневу, опубликованных в «Звеньях». В дополнение к этому мы публикуем 14 писем Полонского к Тургеневу за 1857—1873 гг., сохранившихся в парижском архиве Тургенева[9].

За исключением группы писем 1869—1870 гг., публикуемые письма Полонского в большинстве своем представляют отдельные, случайно уцелевшие части обширной переписки. Самое раннее из них относится к январю 1857 г. В нем живо ощущается настроение кружка петербургских друзей Тургенева, обеспокоенных дурными известиями о нем из Парижа. «... говорят, что парижский климат всегда был для вас вреден»,— пишет Полонский, передавая впечатление, почерпнутое из разговоров с Боткиным, Дружининым и другими. Это было как раз то время, когда Дружинина беспокоила задержка рассказа «Поездка в Полесье», обещанного в «Библиотеку для чтения», а Панаева — работ, обещанных «Современнику»; когда вместо ожидаемых с нетерпением произведений Тургенева редакторы петербургских журналов получали от него «письма адской мрачности»[10], полные жалоб на болезнь и скверное состояние духа. Как известно, Тургенев и позже не раз пугал друзей жалобами на спад творческих сил и выражением как будто полного равнодушия к своей литературной деятельности. Вспомним хотя бы уже упомянутое письмо к Полонскому 1878 г. с жалобами на оторванность от родины.

В публикуемых письмах Полонский пользуется всяким поводом, чтобы рассеять в своем друге тягостное чувство собственной ненужности для русской публики. Даже публикацию Краевским обратного перевода «Странной истории» из немецкого журнала, вызвавшую возмущение Тургенева, Полонский старается расценить как доказательство жадного интереса русской публики к его произведениям.

Когда Тургенев как бы вскользь пишет в одном из писем 1873 г. об охватившей его «тайной тоске бездействия»[11], Полонский настораживается и дает пространный ответ на это признание. Чтобы убедить друга в опасности этого состояния и вызвать в нем творческую энергию, Полонский употребляет весь запас своей наблюдательности. В назидание Тургеневу он вспоминает 70-летнего М. С. Воронцова, который не уставал во время изнурительных походов на горцев, но, уйдя в отставку, быстро «свалился». Он ставит также в пример себя, свою твердую убежденность в том, что год без литературной работы для него будет последним годом жизни. Замечательный по силе искренности, отклик Полонского выходит за рамки его личного обращения к Тургеневу. Писателя, вследствие долгой жизни за границей подчас терявшего реальное представление о значении своего творчества для родины, такие письма не могли не волновать. Они поддерживали в нем силу духа, давали столь необходимое для него сознание, что он как художник нужен России.

Основная группа писем, связанных между собой и хронологически, и тематически — от ноября 1869 г. до января 1870 г. (всего шесть из четырнадцати) отражает один из центральных эпизодов в литературных отношениях Тургенева и Полонского — историю появления в «Санкт-Петербургских ведомостях» статьи Тургенева о Полонском. Расстроенный резкой рецензией Щедрина на первые два тома своих сочинений (изд. М. О. Вольфа, 1869), напечатанной анонимно в сентябрьской книжке «Отечественных записок» 1869 г., Полонский пишет Тургеневу отчаянные письма. Ему кажется, что из всех его литературных друзей только Тургенев, благодаря своей независимости, способен защитить его от тяжких обвинений рецензента в эклектизме и бессодержательности творчества. Как известно, Тургенев вызвался вступиться за Полонского публично [12]. Жалуясь Тургеневу на «оскорбляющую, глумящуюся критику», Полонский в ответ на письмо Тургенева благодарит его за желание «преломить» за него «копье», просит поторопиться с написанием фельетона, радуется, что, наконец, услышит о себе не брань и насмешки, а человеческий голос, пусть строгий, но справедливый. И уже теплится надежда — оставить тягостную должность педагога [13] и укрыться где-нибудь в дешевом и уютном уголке, чтобы там, «ни от кого и ни от чего не зависимым», отдаться целиком литературному творчеству. Когда письмо Тургенева к редактору «Санкт-Петербургских ведомостей» задерживается, поэт впадает в уныние и предается размышлениям о своей роковой неудачливости. Появляется, наконец, статья в печати — и Полонский чувствует себя посвежевшим, словно «полувысохшее в зной растение в ту минуту, когда его поливают». Он надеется также, что выступление Тургенева в его защиту напомнит читателям о нем, приведет к более успешной продаже его сочинений в книжных магазинах и принесет ему, кроме морального удовлетворения, материальную пользу [14].

Но в защите Тургенева был момент, огорчивший Полонского: свою статью Тургенев закончил резко отрицательным отзывом о поэзии Некрасова. И, поблагодарив Тургенева, Полонский чистосердечно признается, что отношение Тургенева к Некрасову кажется ему несправедливым.

К искреннему и несомненно принципиальному протесту Полонского против отзыва Тургенева о Некрасове примешивались и его сложные взаимоотношения с Некрасовым как редактором «Отечественных записок». Полонский сам же в ноябре 1869 г. писал Тургеневу о том, что Некрасов — «главное лицо» в появлении рецензии «Отечественных записок» (хотя на это у него вряд ли были серьезные основания), но ссориться ему с журналом все-таки не хотелось. Не пошел он на разрыв и в 1871 г. после второй, еще более резкой рецензии Щедрина на его произведения [15], хотя грозился Некрасову, что начнет теперь борьбу с его «партией». Как выразился позже Н. Н. Страхов о Полонском, он употребил «великие старания», чтобы избежать ссоры «с передовыми» [16].

Половинчатая позиция Полонского между революционными демократами и Тургеневым вызвана, как известно, особенностями его мировоззрения — расплывчатостью его демократических идеалов, отсутствием твердых философских убеждений [17]. Характерные для поэта настроения отразились и в его новых письмах. Перед нами — человек, вынужденный постоянно «лавировать», чтобы не оказаться поглощенным чуждой ему стихией общественной борьбы или задавленным прозаической житейской неурядицей.

В частых жалобах на свое тяжелое материальное положение и на повышение цен, в подробном анализе причин, заставивших его пойти на службу в дом миллионера, в сетованиях по поводу трудной жизни сестры, которой он не в состоянии серьезно помогать, наконец, в постоянной мечте о независимом существовании «хотя под старость»,— во всем этом слышен голос поэта-разночинца, хорошо знающего, что такое нужда, материальная зависимость, произвол редакторов.

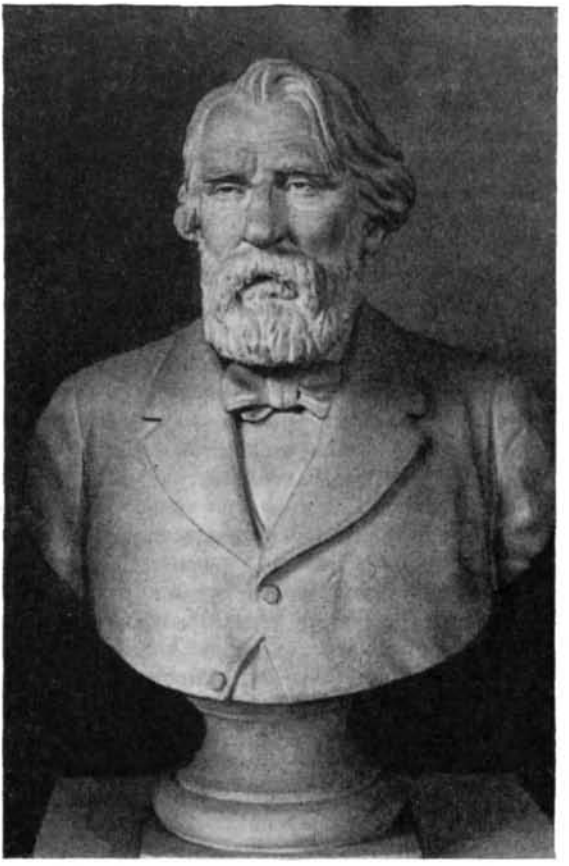
После беглой, мало удовлетворившей Полонского встречи с Тургеневым летом 1870 г. в Петербурге — встречи, на которую поэт возлагал столько надежд (что видно из его письма этого времени),— грустные настроения в его письмах сгущаются. Знаменательны строки из письма от 14 июня 1870 г., полные затаенной тоски: «Где Фет? Господи! Как был бы я рад его увидеть ⟨...⟩ Мне просто хочется с ним повидаться

ТУРГЕНЕВ

Скульптура (гипс) работы Ж. А. Полонской, 1884 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Бронзовый отлив этой скульптуры был установлен на могиле Тургенева и открыт 22 августа/3 сентября 1885 г., в день второй годовщины смерти писателя. В прессе отмечалось исключительное сходство бюста с оригиналом



и, обнимая его, так сказать, вместе с ним обнять нашу старую — некогда молодую поэзию».

Душевная усталость и одиночество поэта особенно чувствуются в последних публикуемых нами письмах, относящихся к осени 1873 г. Он, старавшийся жить в мире с представителями различных «партий», жалуется теперь, что оказался не нужен ни Некрасову, ни Стасюлевичу, ни Маркевичу, ни Плещееву, ни Коршу. Все сильнее одолевают его мысли о приближении старости. В тяжкие минуты кажется, что едва ли хватит сил продолжать борьбу за существование, и хочется смерти как избавления от мук. И только письма Тургенева, всегда призывавшего Полонского работать, не обращая внимания на уколы критики, бодрят поэта. «...мне кажется иногда, что не будь ты моим другом, я бы давно погиб. Никто бы не стал и в журналы брать стихов моих, если бы ты никогда не говорил об них (или о моем таланте) с разными редакторами, журналистами и пр. и пр.»,— признается он Тургеневу.

* * *

Публикуемые письма Полонского к Тургеневу содержат немало сведений, характеризующих творческую деятельность обоих корреспондентов.

Что касается Тургенева, то таких сведений в нашей публикации не много, но внимания они заслуживают. Это в основном отклики Полонского и некоторых других лиц на статьи и художественные произведения Тургенева.

В письме от 22 мая 1867 г. Полонский, посылая Тургеневу книжку «Отечественных записок» с отзывами Страхова и Тютчева о «Дыме», пишет ему о своем намерении также написать статью, посвященную роману. В недавно обнаруженном письме Тургенева

к Полонскому от 17/29 сентября 1867 г. есть ответные строки: «Не знаю, исполнил ли ты твое обещание и написал ли статью о „Дыме"; если да, так не поцеремонься ее прислать, даже в случае (весьма вероятном), если б моя штука тебе не понравилась. Она почти никому не понравилась. Все равно: мне будет приятно узнать твое мнение»[18].

Как установлено Ю. Г. Оксманом, характеристика баденской колонии русских аристократов в «Дыме» восходит к первому сильному впечатлению писателя от этого общества, с которым его познакомил летом 1857 г. не кто иной, как Полонский[19]. Естественно, что мнение Полонского о романе должно было интересовать Тургенева. Но статья осталась не осуществленной, и только благодаря новым письмам Полонского и Тургенева за 1867 г. мы узнали о ее замысле.

С точки зрения общественного резонанса, который имели в конце 1860 — начале 1870-х годов выступления Тургенева как критика, достоин внимания упоминавшийся уже отклик Полонского на появление статьи Тургенева о нем в «Санкт-Петербургских ведомостях» — как в той части, где он сообщает о сочувственной встрече статьи «поклонниками поэзии», так и в части, касающейся Некрасова. Пытаясь доказать Тургеневу его неправоту по отношению к Некрасову, Полонский ссылается на толки по этому поводу в петербургских литературных кругах. Он приводит возражения В. П. Буренина, считавшего, что если с точки зрения откровенной борьбы партий «все позволительно», то «херить Некрасова» под видом беспристрастности не следовало бы. Письмо Полонского от 21 января/2 февраля 1870 г. показывает, что строки Тургенева о Некрасове в его статье о Полонском разожгли страсти в значительно большей мере, чем можно было до сих пор думать. Недаром А. С. Суворин, имевший особый «нюх» на литературные скандалы, назвал статью Тургенева «миленьким событием».

Письма Полонского позволяют несколько расширить фактический комментарий и к некоторым другим выступлениям Тургенева в печати. Корреспонденция Боборыкина о казни Тропмана, на которой присутствовал Тургенев, с язвительным замечанием по поводу интереса Тургенева к «минутам репрессалий»; происшествие со «Странной историей», задевшее Тургенева за живое,— эти русские новости, которыми Полонский делится с Тургеневым в письмах конца 1869— начала 1870 гг., дают живое ощущение тех осложнений, недоразумений и огорчений, которые постоянно приходилось испытывать Тургеневу в его трудном положении русского писателя, живущего за границей. О расхождении Тургенева с русскими либеральными и консервативными кругами свидетельствует сдержанный протест Полонского против симпатий Тургенева к прусской армии в его первых франко-прусских корреспонденциях. Все, для кого понятия французской революционности и прусской военщины имели неподвижный, закостенелый характер, своим сочувствием французам как «передовой нации», объективно смыкались с реакционерами, поддерживавшими бонапартизм. Самый ход военных и политических событий оправдал многие зоркие предвидения Тургенева, в том числе и его радикальную переоценку воюющих сил после падения Второй империи.

С характерных для него позиций Полонский откликнулся на статью Тургенева «По поводу „Отцов и детей"». В отличие от большинства петербургских друзей Тургенева, не удовлетворенных статьей, Полонский воспринял ее, как бы отрешившись от той бурной общественно-политической реакции, которую должна была вызвать защита Тургеневым образа Базарова. Анненков и другие знакомые Тургенева из либеральных кругов были недовольны именно тем, что Тургенев пытался в статье реабилитировать Базарова в глазах передовой молодежи, которая приняла роман как клевету на революционно-демократическое движение. Существо спора о Базарове прошло мимо Полонского, старавшегося по своему обыкновению стоять «между течениями». Успокаивая Тургенева тем, что истина слов его дойдет до всякого, «кто не получает платы ни от Некрасова, ни от Краевского», он откликнулся только на заключительную часть статьи, в которой Тургенев обращался к молодым писателям. Один из заветов Тургенева молодежи должен был особенно тронуть Полонского, остро переживавшего тогда критику «Отечественных записок»: «Друзья мои, не оправдывайтесь никогда, какую бы ни взводили на вас клевету; не старайтесь разъяснить недоразумения, не желайте — ни сами сказать, ни услышать „последнее слово". Делайте свое дело — а то все перемелется» (X, 356).

Публикуемые письма содержат новые сведения о творчестве Полонского 1860—1870-х годов.

Авторский комментарий к «Признаниям Сергея Чалыгина» (1867) значительно углубляет наше представление об идейном содержании этого неоконченного романа *из русской жизни эпохи декабризма*. Из писем Полонского мы узнаем, что за появившейся в печати первой частью романа, по замыслу автора, должны были последовать еще три части.

Вся история с пропажей документов Чалыгина, задуманная Полонским как сюжетный стержень, на котором должна была быть основана главная идея романа, осталась неосуществленной, и мы узнаём теперь о ней впервые. Образ центрального героя, развитие которого в конце первой части романа остановилось еще на его отрочестве, предстает перед нами в новом свете. Оказывается, Полонский успел только подготовить своего героя к его настоящей роли: Чалыгин обещал стать фигурой обобщающей, он был задуман как жертва бессмысленности и произвола царской бюрократической системы. Вот почему его конец должен был быть «грустным», как пишет Полонский. То, что Полонский называет грустью николаевского времени,— не что иное, как грусть художника по поводу господствующего в мире социального зла. Ведь и начало романа, относящееся к царствованию Александра I, тоже было грустным: это была всё та же Россия.

Тургенев, вполне удовлетворенный написанной частью романа, не возражал ничего и по поводу замысла его продолжения. Он прочел роман в конце 1869 г., когда собирался писать статью о Полонском и хотел высказать в ней свое мнение и о «Признаниях Сергея Чалыгина». Письмо Тургенева от 21 ноября/3 декабря 1869 г., написанное под впечатлением от только что прочитанного романа, и было первым откликом на него [20]. Свой высокий отзыв о романе (Тургенев назвал его шедевром Полонского), он заключил словами: «Откровенно говоря, эти признания превзошли мои ожидания. Если ты вздумаешь их окончить, еще такой же томик написать, то я готов издать их на свой счет — и если ты пожелаешь, написать к ним предисловие» [21].

Но энтузиазм Тургенева не дал эффекта. Отягощенный текущими заботами, Полонский постепенно отдалялся от своего замысла. Из памяти стали исчезать отдельные подробности содержания первой части. Трудно преодолимым казался и вопрос об издании романа, несмотря на заманчивое предложение Тургенева. Полонский так и не окончил романа [22].

В одном из писем 1870 г. Полонский рассказывает Тургеневу о своей работе над либретто оперы «Кузнец Вакула» и цитирует отрывок из него. Отрывок дает наглядное представление о незамысловатой обработке Полонским повести Гоголя «Ночь перед Рождеством». Либретто Полонского впоследствии, как известно, было радикально изменено Чайковским во время переделки оперы «Кузнец Вакула» в «Черевички» и резко отвергнуто Римским-Корсаковым, обратившимся после смерти Чайковского к тому же сюжету. По поводу формы, в какой написан отрывок (Тургенев нашел тон отрывка верным), надо иметь в виду следующее. Полонский пишет о своей работе над либретто, как о чем-то известном Тургеневу [23]. Возможно, что Тургенев знал и то, что либретто *было задумано в комическом стиле, так что его не удивили ни фривольное содержание* диалога между чёртом и ведьмой, ни бойкость ритмической структуры отрывка, напоминающего шуточные народные песенки, с характерными для них ритмическими перебоями и с ярко выраженными возможностями речитативного исполнения. Отрывок был явно рассчитан на музыкальное воплощение в духе народных мелодий. Почувствовал ли Тургенев, что такая трактовка гоголевской прозы раскрывает новые возможности в области русской оперной музыки,— мы не знаем. Но одобрение им общего тона отрывка *из либретто, беспокойство за его музыкальное оформление, интерес к сценической* судьбе уже созданной Чайковским оперы — все это приобретает особую значительность, если мы вспомним, что «Кузнец Вакула» был первой из цикла русских лирико-комических опер, созданных в 1870—1880-х годах на сюжеты Гоголя: «Майская ночь» Римского-Корсакова написана в 1878 г. (поставлена в 1880 г.), «Сорочинская ярмарка» была в 1874 г. Мусоргским только начата и осталась незаконченной, «Черевички» Чайковского были созданы на основе «Кузнеца Вакулы» лишь в 1885 г. Таким образом,

несовершенному либретто Полонского, написанному задолго до появления этих опер, суждено было дать первый толчок к той комической музыкальной трактовке «Вечеров на хуторе близ Диканьки», которая легко прижилась в русской оперной музыке последней четверти прошлого века.

В переписке Тургенева с Полонским за 1873—1874 гг. большое место занимает работа поэта над поэмами «Мими» и «Келиот».

В поэме «Мими» Полонский взял на себя новую для его творчества задачу — изобразить тип пустой, бессердечной женщины, с помощью своей красоты неуклонно идущей вверх по социальной лестнице — от гувернантки до генеральши. Сюжетно поэма строилась на истории запутанных взаимоотношений Мими с двумя влюбленными в нее героями — богатым бароном и студентом-бедняком.

Прочитав первую часть поэмы, Тургенев высказал автору свое убеждение в том, что подобная задача — не в духе его творческой индивидуальности: «... мне сдается, что ты в подобных больших произведениях словно не дома, не в своем тоне поешь. Ты по преимуществу лирик с неподдельной, более сказочной, чем фантастической, жилкой; а тут дело в анализе, в характерах, их столкновении и развитии...»[24].

В публикуемом ответе на это письмо Полонский пишет: «Будь ты в Питере, я бы не напечатал свою „Мими“ до тех пор, пока бы не осталось в ней тех прозаических мест, о которых ты говоришь». Такое оправдание перед Тургеневым было необходимо поэту особенно в связи с появлением в «Санкт-Петербургских ведомостях» двух уничтожающих рецензий Буренина на «Мими». Письмо Полонского о рецензии Буренина характерно как отклик одной из многочисленных жертв грубой и оскорбительной критики этого будущего столпа литературного отдела «Нового времени». Разбор Бурениным поэмы Полонского, напечатанной в «Отечественных записках», и, что было широко известно, одобренной Некрасовым[25], был основан на беззастенчивом извращении ее содержания и высмеивании недостатков — одним словом, на том беспринципном методе, который несколько лет назад Буренин оправдывал перед Полонским, говоря, что в борьбе партий «все позволительно».

Насмешки Буренина над второй частью «Мими» настолько расстроили Полонского, что он, как видно из последнего публикуемого письма, не послал Тургеневу обещанного оттиска поэмы. Мучительный стыд помешал Полонскому усвоить тот «философский подход» к выходке Буренина, который внушал своему другу Тургенев в письме от 24 октября/5 ноября 1873 г.[26]

Задумав в таком тяжелом настроении следующую поэму — «Келиот», Полонский стал терзаться мыслью, удастся ли ему создать художественно полноценное произведение[27]. Когда уже была написана почти вся первая часть «Келиота» (22 главы из 24-х), он предупреждал Тургенева, что поэма тоже может быть неудачной — если придется быстро кончить работу над ней ради денег или она не будет совсем завершена — если будничная жизнь убьет вдохновенье и т. д. Стараясь поддержать творческое настроение Полонского, Тургенев одобрил название поэмы и советовал, не унывая, завершить работу.

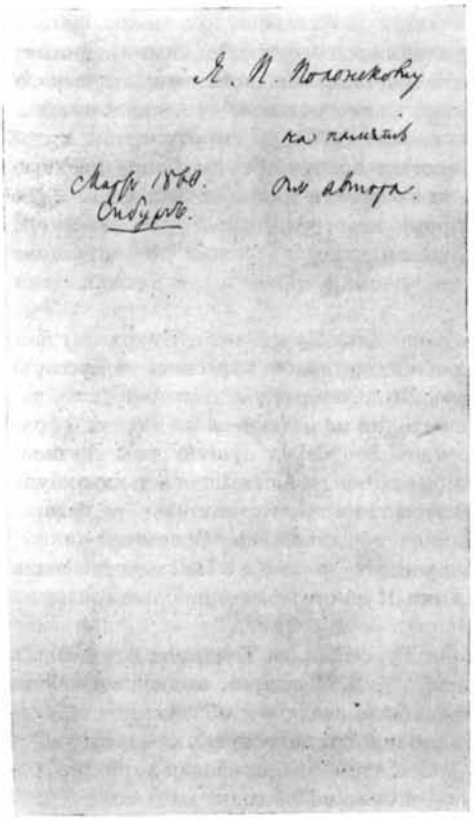
* * *

Вопрос об отношении Тургенева к поэзии Полонского является центральным в их переписке и представляет большой интерес для характеристики литературно-эстетической позиции Тургенева в 1860—1870-х годах.

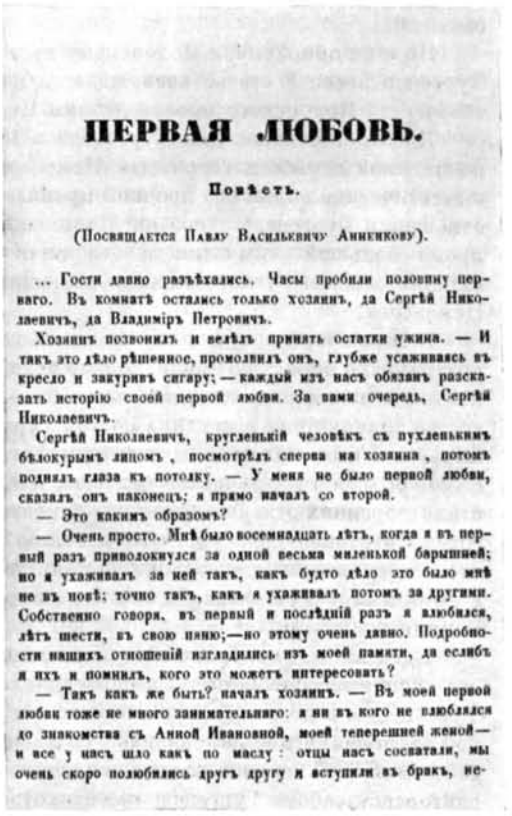
Когда Полонский после смерти Тургенева отдал его письма для публикации В. П. Гаевскому, тот был крайне удивлен «неумеренными похвалами» в них Полонскому[28]. Высокая оценка Полонского, да еще рядом с частым выражением неприятия поэзии Некрасова, противоречила сложившемуся представлению о Полонском как о второстепенном поэте[29].

Оставим сейчас в стороне многочисленные отклики Тургенева на отдельные произведения Полонского, в которых, кстати, рядом с положительными отзывами часто высказывались суровые критические замечания, и обратим внимание на его высказывания о поэте, имеющие общий характер. Они относятся в основном к концу 1860-х годов. Смысл их сводится к признанию Полонского единственным из поэтических талантов,

по-настоящему интересующим Тургенева в это время. Наиболее аргументированно пишет об этом Тургенев 13/25 января 1868 г.: «Ты напрасно меня благодаришь за откровенность [30]: еще бы не быть откровенным с тобою, когда *в одном тебе в наше время горит огонек священной поэзии*. Ни графа А. Толстого, ни Майкова я не считаю! Фет выдохся до последней степени; а о гг. Минаевых и тому подобных и речи не может быть, так как и



Я. П. Полонскому
на память
от автора.
Март 1860.
Спбургъ.



ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Повѣсть.

(Посвящается Павлу Васильевичу Анненкову).

... Гости давно разъѣхались. Часы пробили половину перваго. Въ комнатѣ остались только хозяинъ, да Сергѣй Николаевичъ, да Владиміръ Петровичъ.

Хозяинъ позвонилъ и велѣлъ принять остатки ужина. — И такъ это дѣло рѣшенное, промолвилъ онъ, глубже усаживаясь въ кресло и закуривъ сигару; — каждый изъ насъ обязанъ разсказать исторію своей первой любви. За вами очередь, Сергѣй Николаевичъ.

Сергѣй Николаевичъ, кругленькій чезовѣкъ съ пухленькимъ бѣлокурымъ лицомъ, посмотрѣлъ сперва на хозяина, потомъ поднялъ глаза къ потолку. — У меня не было первой любви, сказалъ онъ наконецъ; я прямо началъ со второй.

— Это какимъ образомъ?

— Очень просто. Мнѣ было восемнадцать лѣтъ, когда я въ первый разъ приволокнулся за одной весьма миленькой барышней; но я ухаживалъ за ней такъ, какъ будто дѣло это было мнѣ не въ новѣ: точно такъ, какъ я ухаживалъ потомъ за другими. Собственно говоря, въ первый и послѣдній разъ я влюбился, лѣтъ шести, въ свою няню;—но этому очень давно. Подробности нашихъ отношеній изгладились изъ моей памяти, да еслибъ я ихъ и помнилъ, кого это можетъ интересовать?

— Такъ какъ же быть? началъ хозяинъ. — Въ моей первой любви тоже не много занимательнаго: я ни въ кого не влюблялся до знакомства съ Анной Ивановной, моей теперешней женой— и все у насъ шло какъ по маслу: отцы насъ сосватали, мы очень скоро полюбились другъ другу и вступили въ бракъ, не-

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТУРГЕНЕВА Я. П. ПОЛОНСКОМУ НА ПОВЕСТИ «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ»

«Я. П. Полонскому на память от автора. Март 1860. Спбург»

Надпись сделана на отдельном листе, вложенном в журнальный оттиск повести («Библиотека для чтения», 1860, март)

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

сам учитель их, г-н Некрасов — поэт с натугой и штучками 〈...〉 *Ты один можешь и должен писать стихи*; конечно, твое положенье тем тяжело, что, не обладая громадным талантом, ты не в состоянии наступить на горло нашей бестолковой публике,— и потому должен возиться во тьме и в холоде, редко встречая сочувствие — сомневаясь в себе и унывая; но ты можешь утешиться мыслью, что то, что ты сделал и сделаешь хорошего — не умрет, и что если ты „поэт для немногих"— то эти немногие никогда не переведутся»[31]. «Изо всех ныне пишущих российских поэтов *ты один меня еще интересуешь* — и весьма сильно»,— пишет Тургенев опять через некоторое время (курсив везде мой.— *Э. П.*) [32].

Как видим, не переоценивая таланта Полонского в целом, Тургенев отдает ему предпочтение перед другими поэтами конца 1860-х годов. Перелом в общей оценке Тургеневым поэзии Полонского происходит как раз в это время. Если пять лет назад Полонский для него был лишь одним из «триады» современных поэтов[33] (остальные два —

Майков и Фет; Тютчев как более старший сюда не входит), то теперь в письмах к Полонскому он довольно настойчиво выделяет его из числа этих поэтов.

Однако сделать это публично в статье о поэзии Полонского Тургенев не решился, как не решился он это сделать ни в одном из частных писем к третьим лицам. Заметим здесь же, что в пестрящих отзывами о текущей художественной литературе письмах Тургенева к этим третьим лицам он не выражает ни разу чувства эстетического удовлетворения каким-либо новым стихотворением или поэмой Полонского, не цитирует его стихов[34].

Но и не приписывая Полонскому превосходства перед всеми остальными поэтами, Тургенев в своей статье возвращается к противопоставлению истинно-поэтического творчества Полонского произведениям Некрасова, по его мнению, лишенным поэзии.

Последовательное для Тургенева в 1860— начале 1870-х годов отрицание художественной ценности творчества Некрасова помогает обнаружить глубокие идейные и эстетические корни его прочной привязанности в эти годы к поэзии Полонского. На отношении Тургенева к поэзии Полонского, кроме непосредственного впечатления, кроме большой симпатии к его личности, несомненно сказалось сознательное отталкивание от того мощного общественного влияния, какое имела тогда поэзия Некрасова.

В свою очередь, сложное и противоречивое отношение Тургенева к Некрасову как поэту можно понять до конца, только исходя из общих взглядов Тургенева на русскую поэзию и на творчество отдельных поэтов. В своей многообразной деятельности в качестве покровителя и критика поэтов Тургенев исходил из поэтического идеала, сформировавшегося под знаком восторженного преклонения перед пушкинской поэзией. Самой большой эстетической радостью для него бывало, если он слышал в чьих-нибудь стихотворениях отзвуки пушкинской поэзии. В этом нет ничего удивительного. Благоговейное отношение Тургенева к гению Пушкина общеизвестно. Вспомним также, что в середине века для сторонников «чистого искусства», личные и общественные связи с которыми у Тургенева были всегда крепки, имя Пушкина было знаменем высших принципов поэзии.

Едва ли не в наибольшей степени ориентация Тургенева на Пушкина сказалась в его оценке поэзии Фета. Как справедливо пишет Б. Я. Бухштаб, выдвижение Фета Тургеневым и сторонниками «чистого искусства» «было связано с общественной борьбой за „пушкинское направление“ в поэзии, за поэзию „типическую“, „рельефную“ и „объективную“ против поэзии тенденциозной»[35]. С этим же был связан характер редакторской работы Тургенева над стихотворениями Фета в 50-е годы.

В моменты наибольшего расположения к Некрасову как поэту Тургенев и в его стихотворениях улавливал дорогие ему пушкинские интонации[36]. Но в общей сумме высказываний Тургенева о Некрасове ассоциации с пушкинской поэзией воспринимаются как случайные обмолвки. Этот единственно возможный для Тургенева путь к признанию Некрасова настоящим поэтическим талантом быстро закрылся.

После разрыва с «Современником» и ссоры с Некрасовым Тургенев отвернулся от его поэзии. Предав забвению все то, что интересовало его в Некрасове как поэте, он уверял Полонского, в связи со своей резкой оценкой Некрасова в «Санкт-Петербургских ведомостях», что «всегда был одного мнения об его сочинениях». Но Тургеневу, несомненно, были дороги демократические идеи некрасовской поэзии. Ему был близок не только Пушкин, понятый под углом зрения эстетической полемики 1860-х годов, но и Белинский, возглавлявший гоголевское направление 1840-х годов, литературную школу, из которой вышли как Некрасов, так и Тургенев. С одной стороны, неприятие художественной формы поэзии Некрасова, с другой — близость к гражданским настроениям его творчества — вот что нарушало цельность тургеневской оценки Некрасова как поэта[37]. Это противоречие обнаруживалось еще в годы близости Тургенева с Некрасовым, когда в беседе с Боткиным и Дружининым, возмущавшимися грубостью стиха Некрасова, он пытался стать на объективную точку зрения и признавал «честность мыслей» Некрасова, но — в убийственном для поэта контексте: «Одни честные мысли нельзя назвать поэзией»[38]. Подобные отзывы характерны для Тургенева и в последующие годы, когда, стараясь отрешиться от личной неприязни к Некрасову, он

говорил: «именно поэзии-то я в Некрасове не признаю — а увлекать массу — и действовать на своих современников можно и другими вещами — либерализмом и т. д. и т. д.»[39] Даже после примирения с умирающим Некрасовым Тургенев свое уважение к нему как к поэту продолжал связывать только с идейным содержанием его творчества. Когда Полонский в не дошедшем до нас письме сообщал Тургеневу о бурной реакции молодежи на смерть Некрасова, Тургенев возражал ему так: «Пускай молодежь носится с ним. Оно даже полезно, так как, в конце концов, те струны, которые его поэзия (если только можно так выразиться) заставляет звенеть,— струны хорошие.— Но когда г. Скабичевский, обращаясь к той же молодежи, говорит ей, что она права, ставя Некрасова *выше* Пушкина и Лермонтова—и говорит это, „не обинуясь", я с трудом удерживаю негодование...»[40]. О том же свидетельствует, как это ни кажется странным с первого взгляда, и согласие Тургенева с положительным отзывом Стасюлевича о Некрасове в некрологе. Говоря Стасюлевичу, что он готов обеими руками подписаться под «определением самой сущности и свойства» таланта Некрасова[41], Тургенев ничуть не кривил душой, потому что вопрос о художественных достоинствах поэзии Некрасова в некрологе фактически не ставился; к признанию же Некрасова «замечательным художником» Стасюлевич приходил через утверждение той большой общественной роли, которую играла его поэзия.

Считая образцом органического сочетания содержания и формы поэзию Пушкина, Тургенев восхищался, в частности, тем, что Пушкин обходился без прямых нравоучений и нарочитой тенденциозности. В связи с этим он любил ссылаться на финальную строфу «Анчара»: «Не сказал он ‹Пушкин.— *Э. П.*›: „Так тирания гнетет и умерщвляет все вокруг себя" и т. п.»[42] Подтекст этого замечания легко прочитывается: оно было направлено против некрасовского отношения к предмету изображения, которое казалось Тургеневу слишком обнаженным, нарушающим законы искусства.

Существенные изменения с середины 1860-х годов претерпело и отношение Тургенева к поэзии Фета: с этих пор, чем откровеннее выражались реакционные взгляды Фета и чем больше Тургенев убеждался, что как художник Фет перестал развиваться в желаемом для него —«пушкинском» — направлении, тем холоднее он встречал произведения Фета. Если,отрицая поэтический талант Некрасова,Тургенев не мог не признавать идейной ценности его творчества, то поэзия Фета его не удовлетворяла именно бедностью содержания. К 1862—1865 гг. относятся бурные споры Тургенева с Фетом об участии ума в процессе художественного творчества. Задолго до разрыва с Фетом, наступившего в 1874 г., Тургенев разошелся с ним принципиально и в письмах к Полонскому неоднократно отмечал, что Фет «перепевает» себя, что помещик и мировой судья в нем убили поэта и т. д. Да и крайне редкие выступления Фета в печати не могли не действовать расхолаживающим образом.

Приблизительно в одно время с Фетом, вступившим с 1863 г. надолго в полосу молчания, стал реже печататься и Тютчев, привлекавший пристальное внимание Тургенева. Поле русской поэзии казалось Тургеневу опустевшим.

В это-то время он и стал возлагать новые надежды на поэзию Полонского.«...да не остынет в тебе этот жар, который с каждым годом исчезает в наших современниках», — пишет он Полонскому в 1866 г.[43] Прочитав в «Вестнике Европы» стихотворение Полонского «Нагорный ключ». (1871), Тургенев пишет, что нашел в нем «счастливые обороты», и с удовлетворением замечает: «Тебя муза не покинула, не то, что нашего бедного Фета»[44]. А в 1872 г., упрекая Фета в недостатке «тонкого и верного чутья внутреннего человека, его душевной сути...», замечает, что в этом отношении «не только Шиллер и Байрон, но даже Я. Полонский побивает его в пух и в прах»[45].

По мере того как интерес Тургенева к творчеству Некрасова и Фета слабеет, поэзия Полонского привлекает его все более и более. Неудовлетворенность Тургенева формой стиха Некрасова и содержанием творчества Фета была в значительной мере той почвой, на которой рос в это время его интерес к поэзии Полонского. В творчестве Полонского Тургенева привлекало характерное для его лучших произведений сочетание «честных мыслей» с красотой поэтической формы, т. е. как раз то, что он так неутомимо искал в современной поэзии. Вспомним, что́ писал Тургенев в статье о Полонском: «Талант его представляет особенную, ему лишь одному свойственную, смесь просто-

душной грации, свободной образности языка, на котором еще лежит отблеск пушкинского изящества, и какой-то иногда неловкой, но всегда любезной, честности и правдивости впечатлений» (XI, 197). Тургенев видел в поэзии Полонского потенциал, обещавший гармоническое развитие содержания и формы — в пушкинском смысле,— и всячески старался способствовать этому развитию.

Повышение интереса Тургенева к поэзии Полонского в конце 1860 — начале 1870-х годов, таким образом, представляется этапом, закономерно возникшим в ходе эволюции взглядов Тургенева на состояние русской поэзии.

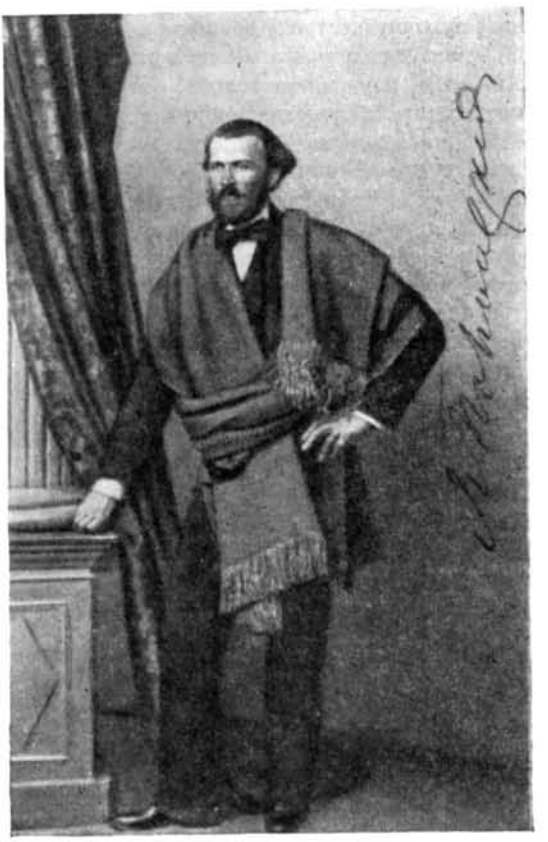
Активность Тургенева как наставника и советчика Полонского — явление редкое по силе, с которой выражено желание большого писателя поднять творчество второстепенного поэта на высоты подлинной художественности.

Внимание, с каким Тургенев читал каждое присланное ему стихотворение Полонского и давал советы, как исправить их недостатки, напоминает ту большую редакторскую работу, которую несколько раньше проделал Тургенев над произведениями Фета. В свое время Д. Благой обратил внимание на то, что в первом же известном нам письме Тургенева к Полонскому высказаны досада на дурное издание его стихотворений и сожаление о невозможности взять дело в свои руки[46]. Участвовать в издании произведений Полонского Тургеневу не пришлось, но с большинством стихотворений поэта в 1850—1860-е годы он знакомился в рукописи и давал указания для их исправления. Следует иметь в виду, что о количестве замечаний Тургенева можно судить только по их переписке. Не меньшее число их могло быть высказано при личных встречах Тургенева с поэтом,— но они никем не зафиксированы и утеряны для нас навсегда. Так как в произведениях Полонского часто попадались недоработанные, небрежно написанные стихи, услуга Тургенева, оказанная в этом отношении поэту, неоценима.

Правда, сам Полонский в последние годы жизни склонен был преуменьшать значение литературных советов своего друга. В письме к Н. В. Новикову, издателю журнала «Артист», в котором в 1894 г. был напечатан резко отрицательный отзыв журналиста И. Иванова о его творчестве, Полонский утверждал, что в его произведениях «едва ли найдется три или четыре стиха», измененных по указанию Тургенева[47]. Но подобные заверения были продиктованы желанием опровергнуть оскорбительное для Полонского мнение о нем как о третьестепенном поэте, из милости обласканном Тургеневым (в статье Иванова эта мысль звучала отчетливо).

Давая Полонскому советы в характерной для него императивной форме, Тургенев в большинстве случаев, однако, не посягал на поэтическое своеобразие его произведений. В тургеневских оценках произведений Полонского мы не чувствуем той внутренней полемичности по отношению к его образной системе, которая отличала редакторскую работу Тургенева над стихотворениями Фета. Объяснение этому обстоятельству может быть только одно: самый характер поэзии Полонского, очевидно, более отвечал принципам поэтического изображения действительности, защищаемым Тургеневым.

Силу и слабость Полонского как поэта Тургенев определял всегда верно. Прозе Полонского, в которой он умел улавливать искорку, которая «и светит и греет», он предпочитал его поэзию, поэмам — лирику, а из лирических стихотворений — те, которые отличались задушевностью и простотой. Наиболее серьезные, принципиальные замечания Тургенева Полонскому имели своей целью оберечь поэта от несвойственных его поэзии интонаций. Он предостерегал поэта от «дешевенького философствования» и нарочитой программности, от натянутых аллегорий и метафор, от чуждого ему полемического и обличительного тона. Узнав о предстоящем появлении в печати произведения Полонского под названием «У сатаны», Тургенев откровенно писал, что заранее побаивается его[48]. И действительно, эта аллегорическая сценка (навеянная, по признанию поэта, событиями 1870—1871 гг.), была основана именно на той мистической фантастике, от которой предостерегал Полонского Тургенев, говоря, что он лирик «с более сказочной, чем фантастической жилкой». Тяжело и претенциозно Полонский пытался доказать, что военно-политические потрясения Европы, кровавый террор, завершивший Парижскую Коммуну, фальшь и продажность буржуазного общества — все это результат разрушительного действия духа вечного зла, который царствует на развалинах погубленных им миров.



Я. П. ПОЛОНСКИЙ
Фотография 1860-х годов с автографической подписью Полонского
Литературный музей, Москва

Тяготение Полонского в 1880—1890-е годы к темам старости и смерти, решаемым в духе философии пессимизма и мистических настроений, доказывает, что опасения, возникавшие у Тургенева при появлении в стихотворениях Полонского подобных мотивов, были не напрасны.

Угрозу «бессмысленного мистицизма» и «натянутых приноровлений и аллегорий» еще в конце 1850-х годов заметил в творчестве Полонского и Добролюбов, выразивший тогда удовлетворение тем, что образованный ум и сила таланта поэта оберегают его от этих опасных увлечений. Ратуя за реалистическую природу таланта Полонского, Тургенев в этом был продолжателем добролюбовской критики поэзии Полонского. Когда же, как в «Нагорном ключе», аллегория бывала выдержана в естественном для Полонского наивно-сказочном колорите, Тургенев принимал ее без оговорок.

Ни одно из сатирических и обличительных стихотворений Полонского не принадлежит к его лучшим произведениям и ни одно из них не получило одобрения Тургенева. Стихотворение «Блажен озлобленный поэт...» (1872) оттолкнуло его половинчатостью критики, направленной автором против своего литературного антипода. Чувство мести, под впечатлением которого Полонский пытался высмеять Щедрина в стихотворении «О бульдоге» (1871), Тургенев не поддержал и стихотворения не похвалил. Еще не прочитав поэму «Собаки», в которой Полонский хотел изобразить литературно-критический мир в образе собачьего общества, Тургенев предупреждал: «... не впадай в полемику»[49]. Правда, первые главы, написанные в шутливо-иронической манере, понравились Тургеневу, и он хотел видеть в завершенной поэме своеобразный pendant к «Кузнечику-музыканту». Но работая над продолжением поэмы, Полонский постепенно превращал ее в некий полуофициальный ответ оскорблявшим его самолюбие критикам. Тургенев был разочарован, увидев поэму в печати, и пришел к твердому заключению, что сатира — не область Полонского[50]. Если Добролюбов упрекал Полонского за

недостаточную остроту оценок и за нерешительность в обличении социального зла, то Тургенев в творчестве Полонского оберегал как раз мягкие, сочувственные тона[51]. Для него, неудовлетворенного творческой манерой Некрасова, Минаева и других представителей революционно-демократической, «субъективной» поэзии, художественный мир Полонского был некоей отдушиной.

В искренности попыток Полонского пойти навстречу передовым требованиям времени сомневаться нельзя. Он действительно стремился выйти на более широкую дорогу и придать своему камерному голосу силу и мужество. И в тех случаях, когда в поисках общественно-значительного содержания он обращался к темам, созвучным его душевному настроению и поэтическим интересам, он достигал успеха. Тогда и Тургенев бывал доволен выходом поэта из рамок интимной лирики: ведь он и в Полонском ценил честность взглядов, правдивость впечатлений, в конечном счете — чуткость к жизненно-важным вопросам. Когда, тронутый драматической судьбой безымянной девушки-«нигилистки» («Что с ней?», 1872) или подвигом Веры Засулич («Узница», 1878), Полонский создавал искренние, полные сочувствия к своим героиням стихотворения, то Тургенев принимал их всем сердцем. Стихотворение «Шиньон», забракованное «Зарей» за революционное содержание, тоже пришлось ему по душе. Поэтому, когда в книге Вл. Орлова «Пути и судьбы» (М.— Л., 1963) Тургенев выступает в роли соратника Н. Н. Страхова, призывавшего поэта писать исключительно интимно-лирические стихи,— нам это представляется нарушением объективности: характер литературного влияния Тургенева на Полонского здесь сужен.

* * *

Публичной защитой поэта в «Санкт-Петербургских ведомостях» и высказываниями в письмах конца 1860 — начала 1870-х гг. положительные отзывы Тургенева о таланте Полонского, имеющие обобщающий характер, исчерпываются. В 1872 г. Тургенев пишет с горечью, что в России «уж точно — поэзия померла»[52]. А о своем предпочтительном интересе к Полонскому как поэту он теперь уже говорит так: «Только ты один от времени до времени радуешь»[53]. «*От времени до времени*» — этот новый мотив появился и в связи с частым обращением Полонского к прозе, и в связи с тщетными надеждами Тургенева дождаться от него нового «Кузнечика-музыканта», когда-то восхитившего Тургенева своей искренностью и простодушной иронией[54]. Вместе с просьбой не забывать музу ради прозы он теперь пишет Полонскому: «Я буду продолжать рассчитывать на тебя, чтобы *хотя изредка* насладиться изящным русским стихом» (курсив мой.— *Э. П.*)[55].

Тургенев по-прежнему с сочувствием встречает появление в печати произведений Полонского, охотно читает их в рукописи и дает критические замечания к ним. Но надежд своих на обновление русской поэзии он уже больше не связывает ни с Полонским, ни с кем-либо другим из современных поэтов.

Имя Пушкина, вновь засверкавшее в русской литературной жизни последней четверти XIX века, навсегда осталось для Тургенева символом высшей поэтичности. «У нас был Пушкин ⟨...⟩, у него иногда являлся этот отблеск божественного света красоты, *а больше-то никого и нет*»,— говорил он в 1879 г. (курсив мой.— *Э. П.*)[56].

Радуясь возрождению в России интереса к пушкинской поэзии, Тургенев и будущего великого русского «национально-всемирного» поэта представлял себе не иначе как учеником Пушкина, превзошедшим учителя. С образом Пушкина «в уме» Тургенев составлял свои суждения о поэтах, к Пушкину же он вернулся, потеряв веру в современную ему русскую поэзию. Пристальное внимание к творческому развитию Полонского и симпатия к его поэтической натуре были лишь звеньями этого большого и интересного, единого при всем многообразии литературных интересов Тургенева, процесса.

* * *

Письма Полонского к Тургеневу публикуются по фотокопиям с подлинников, хранящихся в Национальной библиотеке (Париж).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Последнее письмо Тургенева к Полонскому, от 26 июня/8 июля 1883 г., написанное по-французски и им только подписанное, не может быть принято в расчет, потому что оно было вызвано не действительным отношением Тургенева к Полонскому, а чисто внешними обстоятельствами, сложившимися так драматически из-за бестактности А. Ф. Маркса. Как известно, домогаясь получения неопубликованных рукописей умирающего писателя, Маркс приехал к Тургеневу в Париж за разрешением опубликовать те из них, о которых он знал со слов Полонского. Желанием Тургенева оградить интересы своей наследницы — Полины Виардо, и скорее всего, ее инициативой было вызвано это письмо, обвиняющее Полонского в нескромности, написанное необычным для Тургенева холодным тоном. Этот эпизод, завершивший долголетнюю дружбу писателей, описан со слов Полонского в дневнике Е. А. Штакеншнейдер (запись от 12 сентября 1883 г.—Е. А. Ш т а к е н ш н е й д е р. Дневник и записки (1854—1886). М.— Л., «Academia», 1934, стр. 443—446). Письмо Тургенева от 26 июня/8 июля 1883 г. и некоторые документальные материалы, освещающие этот эпизод,— см.: «Звенья», VIII, 1950, стр. 250—261.

[2] Афоризмы приведены в конце письма к Полонскому от 6/18 сентября 1882 г.— ПСП, стр. 488—489. Самым важным из приведенных им суждений Тургенев считает следующее: «Человек, желающий жить спокойно, *никогда* ничего не предпринимай, ничего не предполагай, ничему не доверяйся и ничего не опасайся!»

[3] Я. П. П о л о н с к и й. Мои студенческие воспоминания.—«Ежемесячные литературные приложения к „Ниве“», 1898, кн. 12, стр. 645.

[4] О многих встречах этого времени мы знаем также из писем Тургенева и других документальных источников — см. Тург АН. Письма, т. II, стр. 319, 322, 554—555, 596.

[5] Полонский специально к этому дню написал стихотворение, посвященное Тургеневу (Т. П. Г о л о в а н о в а. Забытое стихотворение Я. П. Полонского — «Тургеневу».— В сб.: И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Статьи и материалы. Орел, 1960, стр. 193—200).

[6] Письмо от 4/16 ноября 1860 г.

[7] «Звенья», VIII, стр. 196—201. Письмо от 11/23 ноября 1876 г., в котором Тургенев пишет о «крайней военной неспособности» Черняева и называет его «пошляком, Хлестаковым, лубочной копией с Гарибальди», было подвергнуто перлюстрации и доведено до сведения царя (ЦГАОР, ф. 109-И, оп. 4, ед. хр. 476, лл. 1—2).

Отрезвляющим образом должно было также подействовать на Полонского, человека «не от мира сего», как называли его друзья, письмо Тургенева от 23 июня/5 июля 1880 г. с характеристикой карлсбадских комиссионеров, которым наивно доверился Полонский во время заграничного путешествия («Звенья», VIII, стр. 219—220. Здесь письмо датировано ошибочно 2 июня 1880 г. Текстологическая неточность, к сожалению, вообще характерна для этой публикации).

[8] Это число составляют следующие слагаемые: 138 писем 1855—1883 гг.— в ПСП (одно из них, 1874 г., было до этого напечатано в сб. «Складчина». СПб., 1874), 19 писем 1855—1883 гг.—в «Звеньях», VIII (два из них, 1876 и 1880 гг., ранее были опубликованы в сб. «И. С. Тургенев». М.—Пг., 1923, стр. 59—61 и 64—65), 1 письмо 1879 г.— в журн. «Книга и революция», 1920, № 3-4, стр. 94—95, 1 письмо 1859/1860 г.— Тург АН. Письма, т. III, стр. 394—395, 1 письмо 1860 г. — там же, т. IV, стр. 55—56 и 1 письмо 1867 г.— там же, т. VI, стр. 310—312. Кроме того, 4 письма 1868—1880 гг., хранящиеся в ЦГАЛИ (3 письма — ф. Вяземских, № 195, оп. 1, ед. хр. 5083 и 1 письмо —ф. 403), публикуются в ближайших томах полного собрания сочинений и писем Тургенева.

[9] В кн.: M a z o n, p. 107, указано лишь 10 писем Полонского к Тургеневу 1869—1870 гг. Между тем, при разборе присланных Национальной библиотекой (Париж) в редакцию «Литературного наследства» фотокопий писем Полонского оказалось, что их 14 и что они относятся к 1857—1873 гг.

[10] Письмо И. И. Панаева к М. Н. Лонгинову от 24 февраля 1857 г.— Сборник Пушкинского дома на 1923 год. Пг., 1922, стр. 223. Подробнее см. об этом в прим. 1 к письму 1, а также статью А. Мазона «Тургенев на перепутье творческой деятельности» (наст. том, кн. первая, стр. 17—18).

[11] Письмо от 24 октября/5 ноября 1873 г.— ПСП, стр. 222.

[12] Письмо Тургенева к Полонскому от 9/21 ноября 1869 г.— XII, 415.

[13] В семье миллионера, известного железнодорожного деятеля Самуила Соломоновича *Полякова* (1837—1888). О нем см.: «Звенья», VIII, стр. 165.

[14] На долгие годы Полонский сохранил к Тургеневу чувство благодарности за эту поддержку. «...он не раз помогал мне в критические минуты и раз, в ответ на рецензию Салтыкова, который в „Отечественных записках“ хотел окончательно раздавить меня,— заступился за меня печатно, и заступился в такое время, когда во всей журналистике за меня не было ни единого голоса»,— писал он Фету 29 декабря 1887 г.— ИРЛИ, архив Я. П. Полонского, 11843 а/I (XIX б. 2).

[15] Рецензия на сборник Полонского «Сноны». СПб., 1871 г.— «Отечественные записки», 1871, № 2.

[16] Письмо Н. Н. Страхова к Фету от 24 февраля 1879 г.— «Русское обозрение», 1901, № 1, стр. 92.

[17] См. предисловия и комментарии Б. М. Эйхенбаума к собраниям произведений Я. П. Полонского: «Стихотворения и поэмы». Л., 1935 (Б-ка поэта. Большая серия); «Стихотворения». Л., 1954 (Б-ка поэта. Большая серия). 2-е изд.; «Стихотворения». Л., 1957 (Б-ка поэта. Малая серия).

[18] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5083 (напечатано: Тург АН, т. VI, стр. 310).

[19] Соч. 1930, т. IX, стр. 426—427.

[20] Хотя роман был напечатан в 1867 г., отзывов о нем еще не было. Холодность публики была одной из главных причин, в силу которых он остался незаконченным, что видно из письма Полонского от 25 ноября 1869 г.

[21] «Звенья», VIII, стр. 166. См. также письмо Тургенева к Полонскому от 4/16 апреля 1870 г.— ПСП, стр. 173.

Высоко оценили роман в письмах к автору также А. К. Толстой и Гончаров, но лишь спустя два года, прочитав его в сборнике Полонского «Сноны» (СПб., 1871). См. «Русская старина», 1884, № 1, стр. 197 (письмо А. К. Толстого от 25 февраля 1871 г.) и «И. А. Гончаров и И. С. Тургенев». Пб., 1923, стр. 80 (письмо Гончарова от 8 мая 1871 г.). Мягкость тона, которая «не лишена привлекательности», «намек» на живые образы в лице матери героя и ее друга Кремнева вынужден был отметить даже Щедрин, в целом отрицательно отозвавшийся о «Признаниях Сергея Чалыгина» в своем полемическом ответе Тургеневу на его статью о Полонском (см. рецензию Щедрина на «Сноны».— Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. VIII. Л., 1935, стр. 422—430).

[22] Среди бумаг Полонского сохранилось лишь самое начало второй части романа— около восьми страниц чернового текста с описанием приезда героя в имение своего опекуна Н. И. Нарышкина (ИРЛИ, архив Я. П. Полонского. Тетрадь 1871 г.— 11096. XV б. 2).

[23] Тургенев мог знать о либретто из рассказов самого Полонского, с которым он виделся летом 1870 г. в Петербурге.

[24] Письмо от 24 октября/5 ноября 1873 г.— ПСП, стр. 221.

[25] Полонский писал Тургеневу в конце сентября — начале октября 1873 г.: «Прежде чем что-нибудь решиться напечатать — прочтешь и тому, и другому, и третьему — и когда уже убедишься, что поэма нравится строгим ценителям и судьям, скрепя сердце, решишься продать ее» («Звенья», VIII, стр. 178). Буренин в рецензии на первую часть поэмы замечал: «Странная судьба поэм г. Полонского возбуждать толки до появления этих поэм в свет и оказаться потом пустяком» («С.-Петербургские ведомости», 1873, № 268, 29 сентября).

[26] ПСП, стр. 222 (фамилия Буренина обозначена буквой «Б»).

[27] Сопоставление новой поэмы Полонского с «Мими» невольно приходило в голову после разгромных статей Буренина. Так, по выходе в свет «Келиота» Гончаров, отмечая недостатки этой поэмы, писал Полонскому, что она написана «славными, по большей части, стихами, между которыми гораздо менее встречается небрежных, не отделанных, нежели в „Мими“» (письмо от 15 января 1874 г.—«И. А. Гончаров и И. С. Тургенев». Пб., 1923, стр. 81).

[28] «Из дневника В. П. Гаевского».— «Красный архив», 1940, № 3, стр. 230.

[29] Широкое признание в литературных кругах творчество Полонского получило лишь в 1887 г., когда отмечался 50-летний юбилей его поэтической деятельности.

[30] Речь идет о благодарности Полонского в не дошедшем до нас ответе на критические замечания Тургенева по поводу стихотворений «Вакханка и сатир», «Орел и змея» и «Сон язычника» в письме от 2/14 января 1868 г. (XII, 383—384).

[31] ПСП, стр. 130—131.

[32] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5083 (письмо 12 июня 1868 г.).

[33] См. письмо к Полине Виардо от 8, 9/20, 21 февраля 1864 г.

[34] Нам известно только одно замечание, сделанное Тургеневым под свежим впечатлением от прочитанного произведения Полонского, но и оно было вызвано в значительной степени практическими соображениями: собираясь высказаться о романе «Признания Сергея Чалыгина» в статье, посвященной Полонскому, Тургенев поделился мнением о нем со своим постоянным литературным советчиком — Анненковым (письмо Тургенева от 4/16 декабря 1869 г.— XII, 420).

[35] Б. Я. Бухштаб. Судьба литературного наследия А. А. Фета.— «Лит. наследство», т. 22-24, 1935, стр. 566.

[36] См. письма Тургенева к Некрасову и Панаеву от 23 ноября/5 декабря 1852 г. и к Некрасову от 10/22 июля 1855 г.

[37] Определив впервые сущность этих противоречий, В. Е. Евгеньев-Максимов в статье «Поэзия Некрасова в оценке некоторых из его современников» объяснял их тем, что Тургенев «долго не мог составить вполне определенного взгляда на поэзию Некрасова» («Современник», 1915, № 3, стр. 115). Между тем речь может идти не об отсутст-

вии «определенного взгляда», а о сложности восприятия Тургеневым поэзии Некрасова.

[38] Е. Я. Колбасин. Тени старого «Современника». Из воспоминаний о Н. А. Некрасове.— «Современник», 1911, № 8, стр. 239.

[39] Письмо к Полонскому от 29 января/10 февраля 1870 г.— ПСП, стр. 171.

[40] Письмо от 11/23 января 1878 г.— Там же, стр. 327.

[41] Письмо от 4/16 февраля 1878 г. — Стас., стр. 144. Некролог см.: «Вестник Европы», 1878, № 2, стр. 906—915.

[42] А. Луканина. Мое знакомство с И. С. Тургеневым.— «Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах», ч. I. М., 1924, стр. 91.

[43] Письмо от 1/13 мая 1866 г.— ПСП, стр. 123.

[44] Письмо от 6/18 декабря 1871 г.— Там же, стр. 196.

[45] Письмо к Фету от 29 марта/10 апреля 1872 г.— XII, 439. Тургенев в шутку пишет здесь о «поэте Фете» в третьем лице.

[46] Д. Д. Благой. Тургенев—редактор Фета.— «Печать и революция», 1923, № 3, стр. 50.

[47] О своих отношениях с Тургеневым Полонский писал далее Новикову: «Хотя внимание Тургенева к поэтическим трудам моим было мне лестно, но я не оставался в долгу и точно так же посылал ему свои замечания; так, в повести „Несчастная“ Тургенев по моему совету заменил слово „оконница“ словом „подоконник“». В своей попытке отвергнуть критические отзывы Тургенева о его поэзии, которые приводит Иванов, Полонский ссылается на требовательность Тургенева как ценителя поэзии: «Тургеневу трудно было угодить стихами: о своих собственных стихах отзывался он с пренебрежением; в Викторе Гюго он видел только блестящего ритора; в современных ему английских поэтах в одном только Свинберне находил поэтические вспышки, страстность и пыл. Нашему высокоталантливому поэту А. Н. Майкову далеко не отдавал полной справедливости; об Алексее Толстом, с которым был дружен, говорил, что поэзия его для него чужая. Стихи Некрасова выносить не мог. Что же мудреного, что и я не всегда мог удовлетворить его...» (ИРЛИ, архив Я. П. Полонского, 11778 LXVIII, б. 17. По содержанию письмо датируется апрелем 1894 г.).

Статья Ив. Иванова «Заметки читателя. Чистые художники» напечатана в журн. «Артист», 1894, февраль, стр. 118—135 (об отношении Тургенева к поэзии Полонского на стр. 125—126).

[48] Письмо от 18/30 декабря 1871 г.— ПСП, стр. 200.

[49] Письмо от 17/29 октября 1872 г.— «Звенья», VIII, стр. 172.

[50] Письмо от 9/21 марта 1875 г. — ПСП, стр. 255.

[51] Несоответствие обличительных и сатирических тенденций поэтической индивидуальности Полонского было отмечено и Стасюлевичем и таким вдумчивым слушателем, как Е. А. Штакеншнейдер (см.: Стас., стр. 499, и Е. А. Штакеншнейдер. Указ. изд., стр. 248).

[52] Письмо к Полонскому от 17/29 октября 1872 г. — «Звенья», VIII, стр. 173.

[53] Письмо от 10/22 июля 1875 г. — ПСП, стр. 263 (неправильно датировано июнем).

[54] Чуть ли не через 20 лет после появления «Кузнечика-музыканта», в 1877 г., Тургенев пытается убедить Полонского написать подобную вещь (письмо к Полонскому от 18 февраля/2 марта 1877 г. — ПСП, стр. 312).

[55] Письмо от 25 сентября/7 октября 1874 г. — ПСП, стр. 244.

[56] А. Луканина. Указ. изд., стр. 99.

1

‹Петербург. 29 января/10 февраля 1857 г.›

Что с вами, милый Иван Сергеевич? Я так счастлив, что всегда попадаю на чтение ваших писем — намедни зашел к Боткину, и при мне принесли к нему ваше письмо. Вслед за тем явился Дружинин и также сообщил об вас не совсем утешительные новости [1].

Быть в Париже — быть больным и хандрить — это для меня две идеи почти не совместимые, быть может потому, что я никогда не был в Париже.

Пожалуйста, выздоравливайте скорей, хоть ради душевно любящих вас.

Поезжайте весной купаться где-нибудь в море — говорят, что парижский климат всегда был для вас вреден.

Посылаю вам адрес Клюшникова [2]. Вот он: Ивану Петровичу Клюшникову. В город Сумы Харьковской губернии, для доставления в деревню Никифоровку.

У меня так мало времени, что — чёрт возьми! — собирался писать к вам — и вот насилу собрался, да и то отвлекают, не дают с вами побеседовать.

Вашим поклоном m⟨adame⟩ Шелгуновой я ее интригую — говорю ей, что вы целых три строчки об ней написали — и не показываю ей этих строчек, а уж как она добивается. Я встретил ее в маскараде, и она вспоминала о вас [3].

Приехал ли к вам Толстой? Вообразите, никто не знает, куда он едет, — мне сказал, что едет в Париж, но ни Панаев, ни Боткин, ни Дружинин этого не ведают.

Граф писал Боткину из Москвы, что взял уже место в дилижансе, но куда этот дилижанс повезет его — ни слова. Аллах его ведает![4]

Михаила все еще нет — об нем ни слуху ни духу. Не отвечал даже на последние письма Шелгуновой, в которых она спрашивала его, есть ли у него деньги — эта добрая барынька хотела продать часы и заложить свои вещи, чтобы послать ему денег на обратный путь [5].

Прощайте до свиданья. Буду еще писать к вам. Целую вас, желаю всего хорошего и остаюсь вам преданный

Я. Полонский

1857 год,
января 29 (стар. стиля)

№. В Москве случился казус — нелепейший! Граф Бобринский на вечере у Черткова избил Шевырева вследствие какого-то спора о речи Роберта Пиля. Гости разбежались с места побоища. Шевырев болен и лежит в постеле [6].

Ответ (с запозданием) на письмо Тургенева от 24 декабря 1856/5 января 1857 г. Тургенев отвечал 17—22 февраля/1—6 марта 1857 г. сразу на два письма Полонского — на это и на другое, не дошедшее до нас.

[1] В письме к А. В. Дружинину от 13/25 января 1857 г. из Парижа Тургенев жаловался на «препакостное настроение духа», вызванное болезнью и невозможностью работать над обещанным «Библиотеке для чтения» рассказом. «Здешний климат мне решительно вреден»,— утверждал он. Письмо Тургенева к Боткину, упоминаемое здесь Полонским, неизвестно.

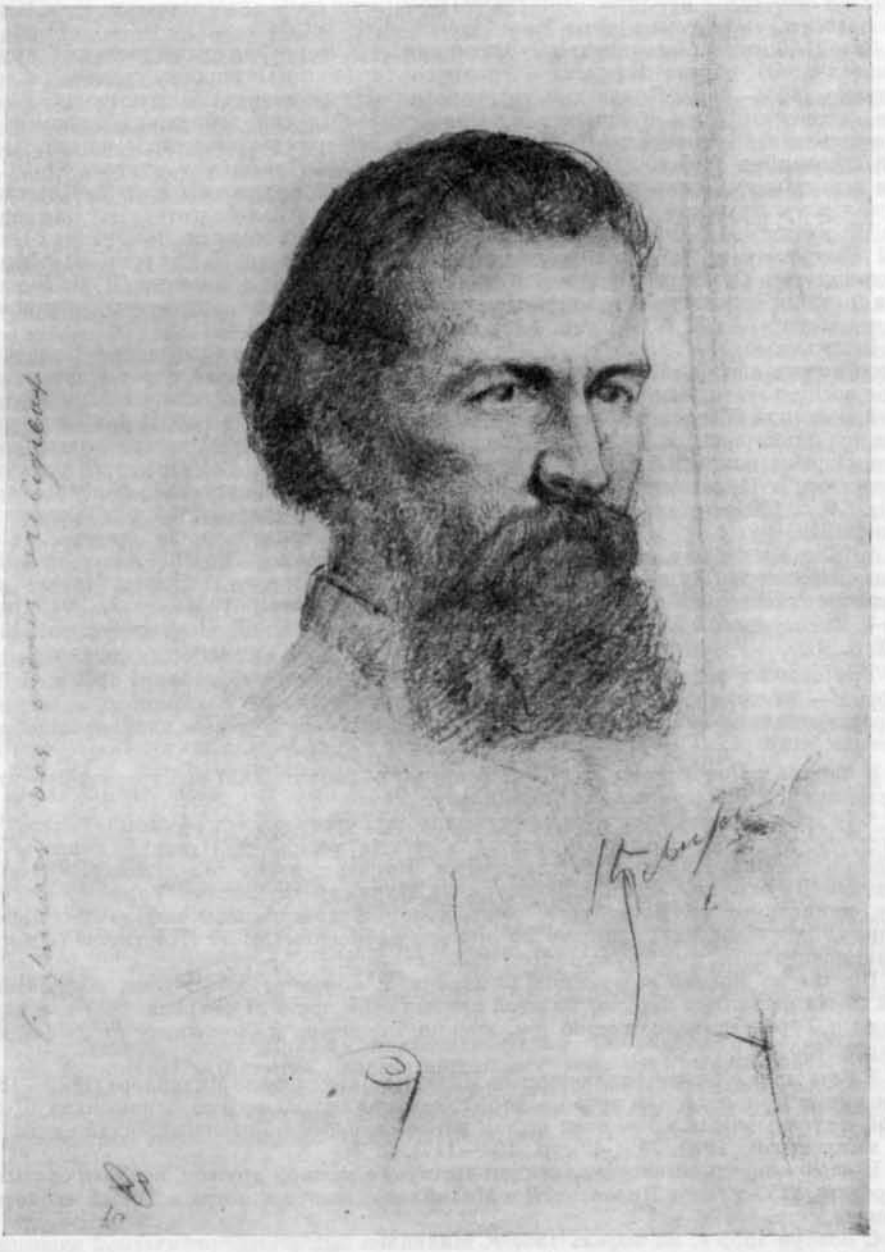
Болезнь Тургенева и вызванные ею затруднения в литературной работе писателя отражены и в его переписке с Панаевым и Колбасиными за январь—февраль 1857 г. В одном из писем к Боткину, от 17 февраля/1 марта 1857 г., Тургенев писал о своем желании отказаться от творческой деятельности.

Жалуется Тургенев на скверное физическое и нравственное самочувствие и Полонскому в письме от 17—22 февраля/1—6 марта 1857 г., отвечая на его упреки за молчание в не дошедшем до нас письме.

[2] Иван Петрович *Клюшников* (1811—1895) — поэт, участник кружка Станкевича. С 1829 г. вплоть до поступления Тургенева в Московский университет был его домашним учителем. Сохранив благодарную память о своем учителе на всю жизнь, Тургенев упомянул его имя в автобиографии, опубликованной в «Русской библиотеке», вып. VI. СПб., 1876.

О занятиях Клюшникова с Тургеневым по истории см.: Н. С. Тихонравов. И. С. Тургенев в Московском университете 1833—1834 гг. — «Вестник Европы», 1894, т. I, кн. 2, стр. 712—713.

Адрес Клюшникова Полонский сообщает Тургеневу в ответ на его просьбу в письме от 24 декабря 1856/5 января 1857 г.: «Я удивился и обрадовался, узнавши, что Клюшников еще жив. Пожалуйста, напишите мне его адрес — не забудьте. Я его знавал хорошо; он даже в детстве преподавал мне русскую историю» (письмо Полонского с упоминанием о Клюшникове, на которое откликается здесь Тургенев, неизвестно). Удивление Тургенева было связано с тем, что еще в 1842 г. он видел Клюшникова больным и, как ему казалось, обреченным на смерть (см. письмо к А. А. Бакунину от 8—17/20—29 апреля 1842 г.).



Я. П. ПОЛОНСКИЙ

Рисунок карандашом М. М. Антокольского, 1870-е годы
Слева помета неизвестного лица на французском языке
Литературный музей, Москва

Тогда же, в начале 1840-х годов, Клюшников, уже известный поэт, привлекший симпатии передовой публики, неожиданно прекратил свою литературную деятельность и поселился на глухом хуторе Харьковской губ.

Сам Полонский был знаком с Клюшниковым со времен существования кружка Станкевича. В образе Камкова — главного героя стихотворного романа «Свежее предание» (1861—1862) Полонский воспроизвел черты личности Клюшникова. Высоко ценя философский ум Клюшникова, Полонский был склонен даже преувеличивать его влияние на Белинского. «Мой Камков, как это многим известно,— писал Полонский 22 октября 1897 г. Л. И. Поливанову,— это И. Ключников, учитель Юр. Самарина и наставник Белинского. Белинский и не был бы Белинским, если бы Ключников не свел его с кружком Станкевича... И на меня он имел благотворное влияние...» (ИРЛИ, архив Я. П. Полонского, 11805, LXVIII б. 22). В своих воспоминаниях Полонский рассказывает, со слов учителя русской словесности Н. Старова, посетившего Клюшникова в Сумском уезде, что Клюшников узнал себя в Камкове (Я. П. Полонский. Мои студенческие воспоминания.— «Ежемесячные литературные приложения к „Ниве“», 1898, № 12, стр. 649).

В письме от 17—22 февраля/1—6 марта 1857 г. Тургенев благодарил Полонского за сообщение адреса Клюшникова: «Спасибо за доставленный адрес Клюшникова. Я им воспользуюсь — и, сам развалина, подам голос той престарелой развалине».

[3] Людмила Петровна *Шелгунова* (рожд. Михаэлис; 1832—1901) — переводчица, жена публициста и критика Н. В. Шелгунова. С Шелгуновой Тургенева познакомил Полонский на одном из петербургских маскарадов зимой 1855/1856 г. О встречах с Тургеневым и Полонским Шелгунова вспоминает в своей книге «Из далекого прошлого». СПб., 1901; ср. записи в дневнике Полонского за декабрь 1855 г. («Голос минувшего», 1919, № 1-4) и в дневнике Е. А. Штакеншнейдер за январь 1856 г. (Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки. М.—Л., 1934, стр. 110—112). Взаимный интерес Тургенева и Шелгуновой друг к другу отражен также в ее переписке с Полонским 1857—1858 гг. («Русская земля», 1904, № 3, 3/16 января — «Из переписки Я. П. Полонского»; ИРЛИ, архив Я. П. Полонского, 12446, LXX б. 4).

Три строчки из письма Тургенева от 24 декабря 1856/5 января 1857 г. о Шелгуновой — следующие: «Если будете писать к Шелгуновой, поклонитесь ей от меня. Я храню в памяти ее толстенькую и миленькую фигурку с умным личиком и добрыми глазами».

В письме к Полонскому от 17—22 февраля/1—6 марта 1857 г. Тургенев просит передать поклон Шелгуновой и Михайлову.

[4] Толстой намеревался ехать за границу, и Тургенев знал об этом. «Толстой мне пишет, что он собирается сюда ехать, а отсюда весной в Италию; скажите ему, чтобы он спешил, если хочет застать меня. Впрочем, я ему сам напишу»,—сообщал Тургенев Дружинину еще 13/25 января из Парижа; это письмо Толстого к Тургеневу, написанное из Петербурга, неизвестно. О предстоящем выезде Толстого за границу писал также Тургеневу 20 января из Москвы М. Н. Лонгинов («Сборник Пушкинского дома на 1923 год». Пг., 1922, стр. 181).

Выехав из Москвы за границу 29 января, т. е. как раз в тот день, когда Полонский писал настоящее письмо, Толстой прибыл в Париж 9/21 февраля 1857 г. и виделся там с Тургеневым ежедневно (см. письмо Тургенева к Лонгинову от 23 февраля/7 марта 1857 г.).

[5] Речь идет о поэте-революционере Михаиле Ларионовиче Михайлове (1829—1865). В дневнике Полонского за декабрь 1855 г. сохранились записи об отношениях Шелгуновой с «влюбленным в нее всем пылом первой юношеской страсти» Михайловым («Голос минувшего», 1919, № 1-4, стр. 103—117).

В свою очередь Шелгунова свидетельствует о нежной дружбе, которая связывала в середине 1850-х годов Полонского и Михайлова, живших тогда в общей «холостой» комнате.

С ноября 1855 г. по апрель 1857 г. Михайлов был в этнографической экспедиции в Оренбургском крае: в январе 1857 г. он находился в Уральске. Уехав летом 1857 г. из России в Германию, Полонский пытался установить связь с Михайловым через Шелгунову (Л. П. Шелгунова. Из далекого прошлого, стр. 87).

[6] Инцидент, о котором пишет Тургеневу Полонский, произошел 14 января 1857 г. на вечернем заседании Совета Московского художественного общества. Ссора С. П. Шевырева с гусарским гвардейским офицером гр. В. А. Бобринским, со слов очевидца, описана Н. П. Барсуковым («Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 15. СПб., 1901, стр. 321—322).

Роберт Пиль младший (1822—1895) в 1850 г. после смерти отца, Роберта Пиля старшего, был избран на его место в палату общин и с тех пор играл видную роль в правительстве Пальмерстона. Посетив Москву во время коронации Александра II в 1855 г., Роберт Пиль по возвращении в Англию произнес несколько речей, направленных против России. Речь, о которой пишет Полонский, была произнесена 6 января н. с. 1857 г. на публичном обеде в Бирмингаме и вызвала многочисленные отклики

в английской печати — в «Times», «Morning Post», «Daily News», «Evening Star». Описав в саркастическом тоне коронационные торжества, Пиль завершил речь высокой оценкой русского народа, который при более либеральном правительстве мог бы стать «могучей и цветущей нацией» («Sir Robert Peel on Russia». — «The Morning Post», 1857, 8 Januar).

Русские газеты, не напечатав и не пересказав речи, ограничились сообщением об «общем негодовании» английских журналистов в связи с «неприличным» выступлением Пиля («Санкт-Петербургские ведомости», 1857, № 6, 8 января; «Московские ведомости», № 5, 10 января). В обстановке острой борьбы славянофилов с западниками известие об этой речи Пиля дало новый повод для споров о русской нации и о судьбах России.

Тургенев из писем ряда лиц знал об ожесточенных спорах между славянофилами и западниками. В частности об этом писал ему Лонгинов (письмо 20 января 1857 г.— «Сборник Пушкинского дома на 1923 г.», стр. 178—179). Одной из вспышек этой обострившейся борьбы и был скандал, закончившийся дракой между Шевыревым и Бобринским. Вскоре после этого Шевырев, по просьбе Ю. Н. Бартенева, составил специальную «записку» — подробное описание случившегося («Русская старина», 1890, № 9, стр. 627—629). Речь Роберта Пиля, однако, в этой записке не упоминается.

Имя Роберта Пиля называется главным образом в петербургских версиях этого события: в дневнике Добролюбова (запись, сделанная 23 января со слов И. И. Срезневского — Д о б р о л ю б о в, т. VI, стр. 461), в дневнике Е. А. Штакеншнейдер (запись от 27 января, т. е. за два дня до того, как Полонский написал Тургеневу об этом эпизоде.—Е. А. Ш т а к е н ш н е й д е р. Дневник и записки. М.—Л., 1934, стр. 148—149).

К моменту получения письма Полонского Тургенев уже знал об избиении Шевырева, ему писал об этом Лонгинов в упомянутом письме из Москвы. Позднее написал об этом Тургеневу уже из Петербурга Анненков, иронизируя по поводу живучести «славянофильского спора» в высшем обществе (см. письмо от 25 января/ 6 февраля 1857 г.— Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина, вып. III. М., 1934, стр. 65). В письме Полонского новым для Тургенева было лишь упоминание о речи Роберта Пиля. Через неделю после отъезда Толстого за границу Д. Я. Колбасин писал Тургеневу из Петербурга: «Граф Бобринский прибил Шевырева до уложения на одр, Толстой вам расскажет, как это было...» (письмо от 5 февраля — Т. и круг «Совр.», стр. 321).

Вероятно, со слов Толстого Тургенев удовлетворил любопытство Герцена, до которого в Лондон дошли лишь неясные слухи об этой истории (в частности, из предыдущего письма самого Тургенева, написанного 16/28 февраля 1857 г.). Свое письмо к Герцену от 21 февраля/5 марта Тургенев начал «подробным историческим описанием побоища, происходившего в первопрестольном граде Москве между графом Бобринским и профессором элоквенции Шевыревым».

Толстой уехал из Москвы до того, как виновники ссоры были наказаны правительством, и не мог рассказать Тургеневу об исходе дела. 23 февраля/7 марта Тургенев запрашивает Лонгинова: «Пожалуйста, с получением этого письма напиши мне, чем кончилось ратоборство Б⟨обринского⟩ с Ш⟨евыревым⟩». Ответ Лонгинова не сохранился.

Как известно, «высочайшим повелением» граф Бобринский был выслан из столицы в деревню, а Шевырев, пострадавший за свои, как ему казалось, высокопатриотические чувства, к немалому своему удивлению, был отстранен от должности профессора Московского университета и был бы тоже выслан, если б не ходатайство его друзей из числа приближенных к царю (Н. П. Б а р с у к о в. Указ. соч., кн. 15, стр. 322—327).

2

⟨Петербург. 22 мая/3 июня 1867 г.⟩

Милый друг Иван Сергеевич.

Записку эту принесет к тебе Митрофан Иванович Зарудный[1]. Хороший приятель (у меня нет дурных приятелей). Но записка эта будет мала и пуста по трем причинам.

Сейчас только дочитал твою повесть «Дым» — нынче достал на один день этот № «Русского вестника»[2]. Сейчас только что лег спать и пишу в постели — ибо боюсь, что завтра как-нибудь просплю и не успею послать письма к Зарудному.

Мне нездоровится, да и трудно быть здоровым — уже 22 мая, а еще лед идет по Неве, и холодно — хоть шубу надевай

Наконец об отъезде Зарудного узнал только нынче вечером. Он застал меня за твоим «Дымом».

Посылаю тебе критику Страхова. Я и ее еще не успел прочесть — получил ее тоже только сегодня[3]. Также стихотворение «Дым» Тютчева — стихотворение это я прочел, но что-то плохо понял [4].

О «Дыме» я буду также кое-что писать — и, если удастся, напечатаю и пришлю тебе [5].

Из всех твоих знакомых я последний читал твое произведение. Вот что значит надеяться на оттиск! Катков, как я слышал, отрекается от оттисков, Кожанчиков [6] их не получает. Буду писать тебе — но когда? еще и сам не знаю.

Статью твою «Дон-Кихот и Гамлет» я отыскал и самолично отдал Анненкову [7].

Жена моя [8] выкинула на 7-м месяце беременности и была очень больна. Я на лето сбираюсь в Друскеники на воды, в Гродненскую губернию [9]. Но каждые две недели буду приезжать в Петербург на службу [10], а езды в один конец 24 часа, по крайней мере, — но что делать!

Кланяйся Василию Петровичу Боткину [11]. Пиши, если что нужно сделать, достать или прислать — готов. Мой адрес все тот же: у Спаса-Преображенья, дом Никитина, № 4, квартира № 4. Засыпаю.

Целую тебя и остаюсь тебе душевно преданный, до свиданья.

Я. Полонский

22 мая ст. ст.

Год установлен по упоминанию романа «Дым» и отзывов о нем в печати. На это письмо Тургенев отвечал (с запозданием) 17/29 сентября 1867 г.

[1] Митрофан Иванович *Зарудный* (1834—1883) — юрист, автор ряда работ по общественно-политическим вопросам («Общественный быт Англии», 1865; «Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов», 1874, и др.). Судя по письму Полонского, Зарудный выехал за границу и должен был быть в Баден-Бадене, где жил тогда Тургенев. Тургенев ответил Полонскому лишь тогда, когда Зарудный собрался уже возвращаться в Россию. Тем же днем, что и ответ Полонскому, датируется письмо Тургенева к Анненкову, которое он переслал в Петербург через Зарудного. «Это письмо вручит вам М. Зарудный, брат статс-секретаря (имеется в виду сенатор С. И. Зарудный — *Э. П.*), с которым я здесь возобновил знакомство и которому я обещал доставить случай сблизиться с вами, — пишет Тургенев. — Примите его с обычною вашею любезностью и присовокупите к ней часть того дружелюбного чувства, которое, я знаю, вы питаете ко мне. Я вам буду очень благодарен, и вы мне потом спасибо скажете».

[2] Роман «Дым» был напечатан в «Русском вестнике», 1867, № 3.

[3] Статья Н. Н. Страхова «Новая повесть Тургенева».— «Отечественные записки», 1867, № 5.

[4] Стихотворение Тютчева «Дым» было помещено в том же номере «Отечественных записок», что и статья Страхова. Тютчев противопоставлял в стихотворении новый роман Тургенева всему его прежнему творчеству («Здесь дым один, как пятая стихия, —дым безотрадный, бесконечный дым!» и т. д.).

Об отношении Тютчева к только что появившемуся в печати роману писал Тургеневу 23 апреля Боткин: «...„Дым“ еще читается, и мнение о нем не успело еще составиться. Вчера я был у Ф. И. Тютчева,— он только что прочел — и очень недоволен. Признавая все мастерство, с каким нарисована главная фигура, он горько жалуется на нравственное настроение, проникающее повесть, и на всякое отсутствие национального чувства» (БиТ, стр. 264).

[5] На это сообщение Тургенев откликнулся в ответном письме. Намерение Полонского осуществлено не было. Очевидно, свои критические замечания к роману он послал Тургеневу в не дошедших до нас письмах. Об одном из этих замечаний можно судить по ответу Тургенева от 2/14 января 1868 г.: «Кстати, как же ты говоришь, что незнаком с типом „Губаревых“? — Ну, а г-н Краевский А. А.— не тот же Губарев? Вглядись попристальнее в людей, *командующих* у нас — и во многих из них ты узнаешь черты этого типа» (XII, 384).

[6] Дмитрий Ефимович *Кожанчиков* (ум. 1877) — издатель, владелец книжной лавки на Невском проспекте.

ВОЛШЕБНЫЯ СКАЗКИ

ПЕРРО

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ИВАНА ТУРГЕНЕВА

РИСУНКИ ГУСТАВА ДОРЕ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

Марье Владимировне
Рашет
на память
отъ ея стараго пріятеля
И. Тургеневъ

Штутгартъ
1869

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТУРГЕНЕВА М. В. РАШЕТ НА ПЕРЕВОДЕ «ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК» ПЕРРО (СПб.—М., 1867)

«Марье Владимировне Рашет на память от ее старого приятеля Ив. Тургенева. Штутгарт. 1869»

Титульный лист, фронтиспис с гравюрой Г. Доре и форзац книги

Литературный музей, Москва

В письме к Анненкову от 20 апреля/2 мая 1867 г. Тургенев жаловался на то, что Катков после выхода романа не выслал ему отдельных оттисков. В следующем письме к Анненкову, написанном через четыре дня, Тургенев сообщает о получении оттисков («Русское обозрение», 1894, № 1, стр. 14—16). Полонскому, очевидно, Тургенев оттиска не послал, но когда в начале ноября 1867 г. вышло отдельное издание романа, он поручил Анненкову передать ему экземпляр (см. письмо Тургенева к Анненкову от 14/26 ноября 1867 г. — там же, стр. 26).

[7] Статья Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» была напечатана в «Современнике», 1860, № 1. С какой целью Тургенев просил Полонского передать свою статью Анненкову в 1867 г., нам установить не удалось.

[8] Вторая жена поэта (с 1866 г.) Жозефина Антоновна *Полонская* (рожд. Рюльман; 1844—1920). О ней см.: А. Ф. К о н и. Памяти Ж. А. Полонской.— «Вестник литературы», 1920, № 1(13), стр. 16; Е. А. Ш т а к е н ш н е й д е р. Дневник и записки, стр. 368—375, 450—452 и др.

[9] С 1859 г. Полонский страдал болезнью суставов ноги, вызванной ушибом. Друскеники славились минеральными водами, обладающими целебными свойствами при костных заболеваниях.

[10] С 1860 г. Полонский служил в Комитете иностранной цензуры. Очевидно, поступлению его на эту службу содействовал Тургенев (см. «Звенья», VIII, стр. 157—158).

[11] Боткин, как и Тургенев, был в это время в Баден-Бадене.

3

‹Петербург. 13 или 14/25 или 26 ноября 1869 г.›

С.-Петербург. Исакиевская площадь, дом Голенищева, № 2

Сию минуту получил я письмо твое, друг Иван Сергеевич. Твоя доброта меня даже удивила, хотя я никогда не сомневался в доброте твоей. Я думал, что после моего последнего письма к тебе [1] ты почувствуешь ко мне нечто вроде презрения — и не за то, что я страдал в ту минуту и отчаивался, а за то, что не умел в самом себе спрятать это отчаянье — ни с кем с ним не делиться, как с такою вещью, которая никому не нужна.

Отчего я так нелеп, что будь ты в ту минуту со мной, ты бы, вероятно, не узнал моего отчаянья, а просто заметил бы, что я желт и не в духе. Нужно для этого непременно подвернуться перу и бумаге, чтобы все разболтать...

Но кроме моей новой, не свойственной мне обстановки, кроме оскорбляющей, глумящейся критики, я узнал, что была еще одна причина, которая, чего доброго, паче прочих, могла бы до самоубийства, или до безумия довести меня. Эта причина — какой-то длинный, красный червь, поселившийся у меня в желудке. Дня три тому назад при сильнейшей головной боли — во время мучительной рвоты, я его выбросил из желудка ртом, к моему немалому изумлению.

Итак, ты можешь себе представить, что червь, который глодал меня, который не давал мне спать, был настоящий, материальный червь. Не будь его, мне кажется, я на брань и глумление Некрасова (он тут главное лицо) поглядел бы гораздо благодушнее [2].

Мне очень лестно и даже утешительно, что ты хочешь написать обо мне фельетон. Ты прав, на журналистов и на присяжных рецензентов — кроме лишнего против меня озлобления — статейка твоя не произведет ничего, но на публику произведет — это уж ты мне поверь. Публика все еще продолжает любить тебя, и твое слово, сказанное обо мне, конечно, заставит многих отправиться в книжный магазин и спросить мои произведения [3]. Этим ты окажешь мне и моему издателю пользу несомненную.

Что больше всего меня радует, — это, быть может, чувство нехорошее, но я признаюсь тебе в нем — это то, что твоя статейка неожиданно *насолит* моим недоброжелателям. Их цель — помешать успеху книги и тем дока-

зать публике свое влияние на эту публику — и вдруг твой фельетон, лишний разговор по этому случаю, толки... Что может быть для них досаднее? Минаев в этот день непременно напьется пьян, и Курочкиным будет невесело [4].

После выхода червя, который между прочим продиктовал мне следующее четверостишье:

«Я последний из писак,
Но поэт второстепенный;
Ты же — критик мой почтенный,
Первой степени дурак»[5], —

после выхода червя мне стало как-то легче и спокойнее на душе.

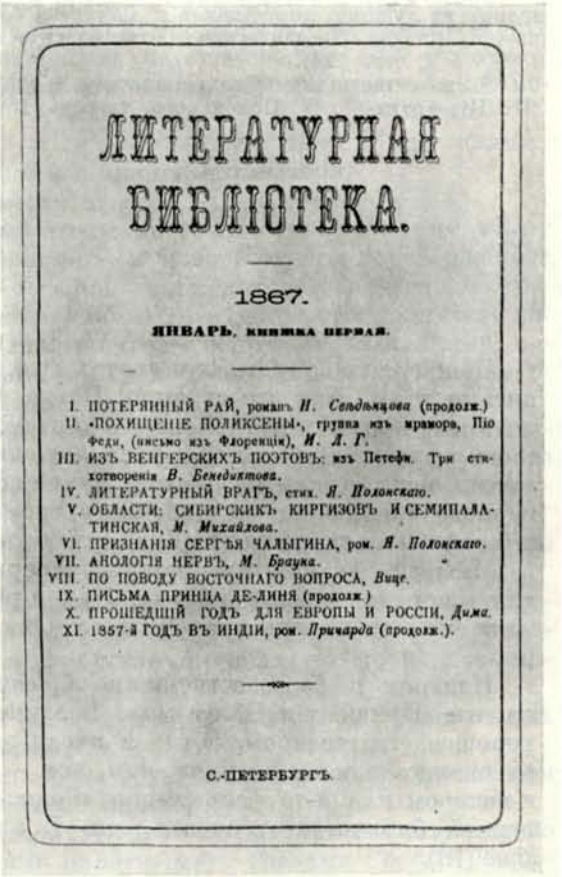
Если хочешь, чтоб кто-нибудь не предупредил тебя в «Санкт-Петербургских ведомостях» по части критики, то ты хорошо сделаешь, если посылкою фельетона не будешь медлить.

Жена моя свидетельствует тебе свое почтенье, я же обнимаю тебя заочно. Жалею, что ты ни слова не пишешь мне о своем здоровье. Спасибо тебе за дружеские чувства — и верь мне, что я искренно люблю тебя и что (вероятно, вследствие этого) никому, кроме тебя, не пишу отчаянных (иначе сказать, позорных) писем.

Прощай до свидания.

Остаюсь твой Я. Полонский

Датируется на основании письма Тургенева от 9/21 ноября 1869 г., на которое тотчас же отвечает Полонский (XII, 415—416).



ЛИТЕРАТУРНАЯ
БИБЛІОТЕКА.

1867.

ЯНВАРЬ, КНИЖКА ПЕРВАЯ.

I. ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ, романъ *Н. Свѣдьянова* (продолж.)
II. «ПОХИЩЕНІЕ ПОЛИКСЕНЫ», группа изъ мрамора, Піо Феди, (письмо изъ Флоренціи), *И. Л. Г.*
III. ИЗЪ ВЕНГЕРСКИХЪ ПОЭТОВЪ: изъ Петефи. Три стихотворенія *В. Бенедиктова.*
IV. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВРАГЪ, стих. *Я. Полонскаго.*
V. ОБЛАСТИ: СИБИРСКІЙ КИРГИЗОВЪ И СЕМИПАЛАТИНСКАЯ, *М. Михайлова.*
VI. ПРИЗНАНІЯ СЕРГѢЯ ЧАЛЫГИНА, ром. *Я. Полонскаго.*
VII. АНОЛОГІЯ НЕРВЪ, *М. Брауна.*
VIII. ПО ПОВОДУ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА, *Вице.*
IX. ПИСЬМА ПРИНЦА ДЕ-ЛИНЯ (продолж.)
X. ПРОШЕДШІЙ ГОДЪ ДЛЯ ЕВРОПЫ И РОССІИ, *Дима.*
XI. 1857-Й ГОДЪ ВЪ ИНДІИ, ром. *Причарда* (продолж.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛИОТЕКА», 1867, № 1

Титульный лист

В этом журнале впервые публиковался роман Я. П. Полонского «Признания Сергея Чалыгина»

[1] Речь идет о письме Полонского, написанном в тяжелые для поэта дни после появления в сентябре 1869 г. рецензии Салтыкова-Щедрина на два первых тома сочинений Полонского (см. об этом выше, стр. 198). В этом письме Полонский высказывает горькие мысли о своей неудавшейся поэтической карьере — см. публикацию письма или, как полагает Г. П. Миролюбов, его чернового варианта («Звенья», VIII, 1950, стр. 163—165). Датировку Г. П. Миролюбова, относящего черновик к периоду между июнем и ноябрем, легко уточнить, так как в черновике есть отклик на строки из письма Тургенева от 25 сентября 1869 г. по поводу службы Полонского у Поляковых: оно могло быть написано не раньше конца сентября или начала октября.

В ответ на это письмо Полонского Тургенев призывал его не терять присутствия духа и сообщал о своем намерении выступить в «С.-Петербургских ведомостях» в его защиту.

[2] Обида на Некрасова как издателя журнала, поместившего отрицательный отзыв о нем, вновь вспыхнула в Полонском в связи с появлением в «Отечественных записках», 1871, № 2, второй рецензии Щедрина. Сохранился черновик письма Полонского к Некрасову, в котором он пишет с упреком, что такая рецензия напечатана, конечно, не без его согласия (ИРЛИ, архив Я. П. Полонского. Тетрадь 1871 г.— 11096 XV б. 2).

[3] Тургенев писал: «... не сомневаюсь, что редакция его ‹фельетон.— *Э. П.*› примет — и хотя едва ли от этого для тебя будет много пользы, так как ведь и мой авторитет сильно поколеблен, однако все-таки надо попытаться...».

[4] Дмитрий Дмитриевич *Минаев* (1835—1889), поэт, сотрудник сатирического журнала «Искра», активный участник борьбы революционных демократов против теории «чистого искусства».

Братья *Курочкины*, Василий Степанович (1831 — 1875) и Николай Степанович (1830—1884) — поэты-искровцы. В. С. Курочкин, известный переводчик Беранже, был издателем журнала «Искра». Причисляя Полонского безоговорочно к сторонникам теории «чистого искусства» (даже и тогда, когда с середины 1860-х годов поэт начал явно тяготеть к социальной тематике), поэты-искровцы выступали с многочисленными пародиями на его произведения (см. пародии В. Курочкина, Д. Минаева, А. Сниткина на произведения Полонского в сборнике «Поэты „Искры"». Л., 1955, т. II). Болезненно переживая критику искровцев, Полонский называл Минаева «одним из лучших помощников г. Писарева по части истребления ненавистных ему поэтов» (статья «Прозаические цветы поэтических семян».— «Отечественные записки», 1867, № 4, стр. 724).

[5] Это четверостишие сохранилось и в одной из черновых тетрадей Полонского (ИРЛИ, архив Я. П. Полонского, тетрадь 1860—70-х годов — 11093. LXIV б. 32).

4

‹Петербург. 25 ноября/7 декабря 1869 г.›

С.-Петербург. Исакиевская площадь,
дом Голенищева, № 2,
квартира Полякова

Друг мой, Иван Сергеевич.

Нынче, рано утром, при свечах еще, получил я второе, утешительное письмо твое[1]. Как это странно! Когда я посылал к тебе мое отчаянное письмо [2], я думал: ну! теперь все кончено, конец нашей переписке и конец твоему дружескому ко мне расположению, думал, что ты мысленно назовешь меня «тряпкой, нюней», припишешь мое отчаяние к воплям непомерного самолюбия, подавленного громадностью моей бесхарактерности и бессилия, и скажешь: не буду отвечать ему — чёрт с ним!

Можешь же сам представить теперь, как *неожиданно* утешительны для меня твои добрые письма. Как я рад, что ты не только не разлюбил меня, но еще хочешь преломить за меня копье свое на литературном турнире.

Недаром я бессовестнейшим образом приставал к тебе: прочти да прочти «Признанья Чалыгина»! Все мне казалось, что там есть кой-что хорошее, что недаром, когда я писал этот роман, все так живо и ярко рисовалось в моем воображении, все — до мельчайших подробностей — и недаром какой-то фельетонист «Голоса», упоминая о книжках «Литературной библиотеки», сказал, что Полонский *пишет свою автобиографию* (!!!)[3].

Не продолжал я писать моего романа по следующим причинам.

1-я прич⟨ина⟩: «Литературная библиотека» вдруг приняла подлое направление и затем прекратилась [4].

2. Никто, решительно никто не мог мне сказать: хороша ли первая часть, и стоит ли продолжать роман. Уже девять лет с кончины Добролюбова (который еще снисходил ко мне)[5], кроме брани и насмешек, в литературном мире я ничего не слышу — поневоле потеряешь всякое к себе доверие (ты положительно *первый*, который намерен вступиться за меня).

3. За участие в «Литературной библиотеке» я изгнан Некрасовым из «Отечественных записок». Стихи мои перестали принимать, стало быть, на продолжение романа в других журналах нечего было и надеяться — а трудиться ради самоуслаждения, не имея в виду материальной помощи для разных семейных и домашних потребностей, я не могу — не могу по той простой причине, что бог не дал никакого состояния.

Если я теперь продал и свое время и свою свободу — то ради только той надежды, что хотя под старость проживу независимо от службы и от благорасположения редакторов. Едва ли, впрочем, и эта надежда сбудется — слишком здоровье мое расшаталось, проскриплю ли я до того времени...

Теперь скажу о самом романе.

Я предполагал написать не менее четырех частей и таким образом до конца проследить за судьбой действующих лиц, выведенных мной в достаточно большом количестве.

Мысль, или лучше сказать план романа, объясняется в двух словах.

Юный Чалыгин вдруг оказывается без бумаг и без всяких доказательств на свое законное происхождение. (Друг матери его, взятый под арест, забыл эти бумаги у себя в кармане, и они были отобраны следственной комиссией или жандармами.)

Родные отца Чалыгина пользуются этим — интригуют и расставляют сети, чтобы захватить в свои руки все имение его матери.

Юношу не принимают в университет.

Является подставной, ложный отец, который открывает ему тайну его рождения — тайну вымышленную — и повергает его в совершенное отчаяние (в первой части — это то самое лицо, которое садится в погребальную карету и наблюдает за мальчиком)[6]. Является необходимость записаться в податное сословие. Юношу пугают рекрутством, палками, советуют бежать за границу с фальшивым паспортом — и в то же время уговаривают поймать беглеца и засудить его.

Все прежние мечты и надежды — всё гибнет, любовь изменяет. Отчаянные замыслы растут в голове, вдруг — письмо из Сибири от друга его матери (*представь себе, забыл его фамилию*) — извещает его о его документах и наводит его на следы, где их искать [7].

Тайно от мнимого друга уезжает он в Питер хлопотать — старые встречи и проч.

Десять лет Чалыгин борется с людьми николаевского времени, с бюрократией, с полицией, с своими страстями и, когда достигает признания прав своих, чувствует, что он уже устал для дела, что прошла его молодость, что нечего ожидать.

Что значит в России человек без документов, и как вся жизнь от них зависит — вот что хотел я показать.

И конец должен был быть такой же грустный, как начало романа, и заключать в себе *грусть николаевского времени*.

Вот план романа в немногих словах. Судьба всех других лиц также мною была обдумана — все должно было пройти перед глазами Сережи Чалыгина и задевать за его судьбу и отражаться на его характере.

Видишь сам, что задача не маленькая — и напиши ты мне письмо такое же, какое я получил нынче, тому назад год — я бы немедленно принялся за продолжение, теперь не знаю, удастся ли мне это. Другого экземпляра у меня нет. Все я забыл (даже имена действующих лиц забыл!). Нужно не только перечитать первую часть, — опять подстроить себя на эту тему, что трудно при моей теперешней обстановке.

Не знаю, может быть, письмо твое в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей» подтолкнет меня на новые занятия, и я примусь за продолжение романа. Желаю исполнить совет твой и попытаюсь. Пойдет — хорошо, не пойдет — брошу. Надо будет к Юркевичу [8] обратиться с просьбой достать мне еще экземпляр «Литературной библиотеки», я слышал, что все экземпляры проданы на обертку — и достать их почти невозможно. Разве ты, как-нибудь, воротишь мне экземпляр, находящийся в руках твоих [9].

На днях постараюсь выслать тебе третью часть моих сочинений, в ней мои повести — «Статуя весны», «Груня», «Дом в деревне», «Рассказ вдовы», «Как иные путешествуют», «Разлад» и комедия «Свет и его тени»[10].

Что еще сказать тебе?

Если, пиша обо мне, ты не меня, а врагов моих будешь иметь в виду, то нечего тебе и говорить с ними об эстетических сторонах или о красивых стихах, которые тебе таковыми покажутся — всего более напирай на смысл, на мысли, ибо все, что стараются они доказать, заключается в том, что у меня ни мысли, ни смысла — ничего, кроме звучных и красивых стихов. Толковать с ними об искусстве — то же, что воду толочь. Недавно, т. е. летом, кажется, в июньской книжке «Дела» кто-то написал критику на стихотворения Курочкина — разумеется, расхвалил его до небес — а в меня с братьей бросил ком грязи. Обо мне вот что сказано: «Полонский рассуждал только о том, о чем думают сосны». Этим определил критик всю мою деятельность [11].

Но прощай — прошлую ночь я спал не более 3-х часов, теперь спать хочется.

Муж моей сестры выздоровел. Хотя очень слаб — все кости болят. Он продолжает службу. Я его видел — следа помешательства не заметно, только очень похудел. Сестра по-прежнему лежит и не встает с дивана. Оба кой-как перебиваются — изредка, чем бог пошлет, я им помогаю [12].

Но прощай, дружище Иван Сергеевич.

Уведомь, нет ли слухов о Кублицком — жив ли он и⟨ли⟩ умер в Баден-Бадене. В сентябре его квартира в Москве была наглухо заперта. Что с ним? Это товарищ моего детства, рязанский сосед [13]. Шумно прошла его юность — но болезнь подкосила и загубила всю его жизнь. Грустно мне о нем думать.

До свиданья.

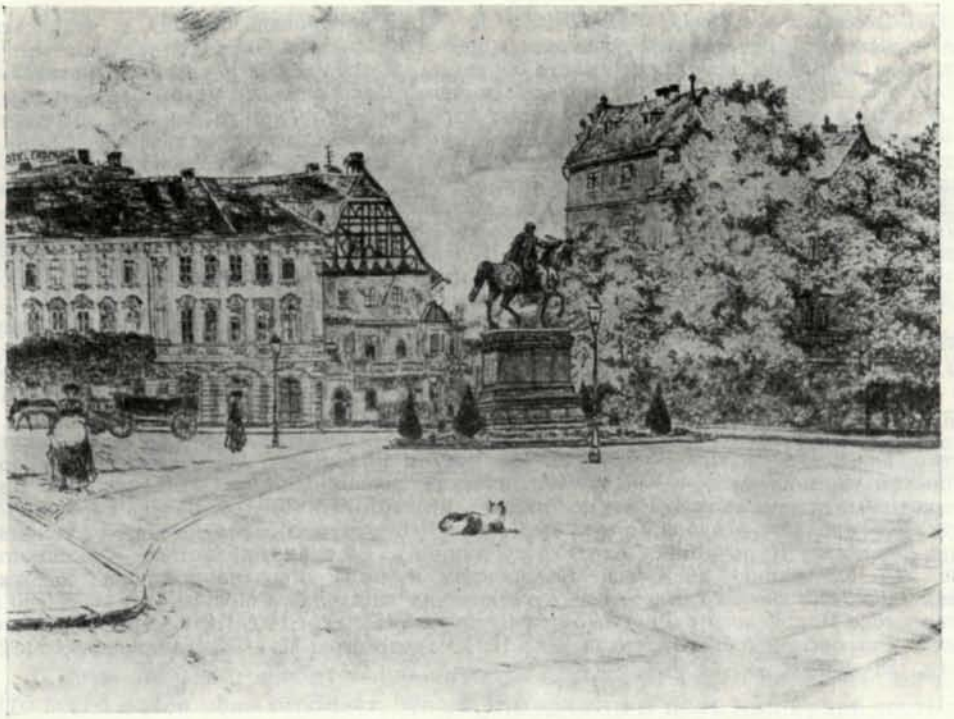
Остаюсь твой друг Я. П о л о н с к и й

1869. Ноября 25 дня ст. ст.

Жена моя очень и очень тебе кланяется. Она у меня славная, добрая жена — простая и любящая. Дай бог, чтоб теперешние отношения наши никогда не изменялись к худшему. Твои письма ко мне и твое участие ее сильно трогают.

Ответ на письмо Тургенева от 21 ноября/3 декабря 1869 г. («Звенья», VIII, стр. 166).

[1] Тургенев писал, что кончил читать роман «Признания Сергея Чалыгина», и обещал немедленно приняться за статью о Полонском. Полонский называет это письмо Тургенева «вторым утешительным», считая первым письмо от 9/21 ноября, о котором говорилось выше.



ВЕЙМАР. КНЯЖЕСКАЯ ПЛОЩАДЬ
Литография с рисунка И. Фрисландера
Из книги: «Weimar. Zwanzig Handzeichnungen von J. Vrieslander». Weimar, s. a.

[2] См. прим. 1 к предыдущему письму.

[3] В библиографическом обзоре газеты «Голос», 1867, № 193, 15 июля, «Признания Сергея Чалыгина» были названы «автобиографическим рассказом» («Библиография и журналистика»; без подписи). В своих воспоминаниях «Старина и мое детство» Полонский также ссылается на этот отзыв («Русский вестник», 1890, № 5, стр. 44).

[4] «Литературная библиотека» — «ежемесячный журнал литературы, политики и общественной жизни» (редактор-издатель Ю. М. Богушевич), выходил в Петербурге с октября 1866 г. по февраль 1868 г. В числе писателей, сотрудничавших в «Литературной библиотеке», были В. П. Клюшников, Н. С. Лесков, П. А. Вяземский и другие, известные своим враждебным отношением к революционным демократам. Первая часть романа Полонского «Признания Сергея Чалыгина» была напечатана в «Литературной библиотеке» 1867 г. (с января по декабрь — в тт. III—VI, VIII, XII).

[5] В 1859 г. в «Современнике», № 7, была напечатана рецензия Добролюбова на произведения Полонского: «Стихотворения Я. П. Полонского. Дополнения к стихотворениям, изд. в 1855 г. СПб., 1859; „Кузнечик-музыкант". Шутка в виде поэмы Я. П. Полонского. СПб., 1859; „Рассказы Я. П. Полонского". СПб., 1859».

[6] В описании похорон матери Сергея Чалыгина.

[7] Друг матери героя романа — Александр Сидорович Кремнев, участник декабристского движения. В день похорон матери Чалыгина Кремнев был арестован.

[8] По-видимому, Юркевичем Полонский по рассеянности называл редактора-издателя «Литературной библиотеки» Ю. М. Богушевича (подобную ошибку он допустил и позже, когда, давая пояснения к своему архиву, письмо к издателю «Литературной библиотеки» за январь 1868 г. озаглавил как адресованное М. Ю. Юркевичу — см. ИРЛИ, архив Я. П. Полонского, 11781. LXVIII б. 17).

[9] Тургенев выслал экземпляр романа Полонскому из Берлина, куда он ездил в середине декабря 1869 г. (ПСП, стр. 167).

[10] Имеется в виду третий том «Сочинений Я. П. Полонского», изд. М. О. Вольфа. СПб., 1869—1870. Предыдущие два тома Тургенев получил от автора еще в начале мая — см. об этом в письме Тургенева к Полонскому от 5/17 мая 1869 г. (ПСП, стр. 159). В ряду повестей упомянута пьеса «Разлад (сцены из последнего польского восстания)».

[11] Рецензия Минаева на «Собрание стихотворений Василия Курочкина» (СПб.,

1868) появилась в журнале «Дело», 1869, № 5 («Старая и новая поэзия», за подписью «Аноним»). Стихотворения Курочкина в рецензии противопоставлялись творчеству «жрецов беспредметного, бесцельного лиризма», к которым автор относил Фета, Полонского, Щербину, Майкова, отчасти Тютчева. Полонский процитировал (неточно) следующую фразу из рецензии: «У наших лириков не было, как у Пушкина, „смутного волнения чего-то жаждущей души", и они предались бесконечному ликованию, как институтки, стали всё и всех обожать, влюблялись в цветы и женские ножки, рассуждали о том, что „думают сосны, когда они спят" (Я. Полонский), писали любовные послания даже „к дубу" и уносились в звенящую даль». Рецензент здесь, упоминая Полонского, имел в виду строку из его стихотворения «Жалобы музы»: «О чем грезят сосны, когда они спят» (Сочинения Я. П. Полонского, т. I. СПб. — М., 1869, стр. 81). Ср. пародию Минаева на то же стихотворение в сб. «Поэты „Искры"». Л., 1955, т. II, стр. 253).

[12] Муж сестры Полонского Александры Петровны — Николай Гаврилович *Баршев* (ум. 1873), чиновник управления Московского окружного интендантства. О его болезни и о готовности Тургенева помочь сестре Полонского в связи с этим см. в письмах Тургенева к Полонскому за январь—сентябрь 1869 г. («Звенья», VIII, стр. 158—162. Здесь дана ошибочная справка о Баршеве).

[13] Михаил Егорович *Кублицкий* (1821—1875) — писатель, автор работ по искусству. Уроженец Рязани. Кублицкий был другом Полонского еще с детских лет. Полонский упоминает его в «Моих студенческих воспоминаниях» («Ежемесячные литературные приложения к „Ниве"», 1898, № 12, стр. 664). «Человек очень хороший — писатель плохой»,— говорил о нем Тургенев (ПСП, стр. 262; в тексте этой публикации ошибка: Кульчицкий вместо Кублицкий). Богатая библиотека Кублицкого по его завещанию досталась Полонскому и была продана им при содействии А. Н. Островского Обществу драматических писателей в Москве, что отражено в переписке Полонского с Тургеневым («Звенья», VIII, стр. 190; ПСП, стр. 262), а также с Островским (сб. «Из архива А. Н. Островского». М.—Л., «Academia», 1932, стр. 228—231 и 440—456).

5

‹Петербург. Декабрь (не позднее 20 с. с.) 1869 г.›

С.-Петербург. На Исакиевской площади,
дом № 5, графа Зубова,
квартира Полякова

Милейший друг Иван Сергеевич.

На днях я был порадован неожиданной присылкою из Москвы неожиданного подарка — Салаев прислал мне экземпляр своего последнего издания твоих сочинений — конечно, не Салаев, а ты мне прислал их через Салаева [1]. Посылаю тебе за это мое великое *спасибо*.

Я уже прочел с жадностью твои воспоминания о Гоголе, Пушкине, Лермонтове и других. Прочел твои наставления юным литераторам — по поводу «*Отцы и дети*» — и мысленно пожалел, что я уже не юный литератор [2].

Слышал ты, какую штуку выкинул с тобой Краевский? В фельетонах «Голоса» (так сказали мне сию минуту) появилась твоя новая повесть, переведенная с немецкого — что, если это та самая повесть, которую ты прислал Стасюлевичу в «Вестник Европы» и которую он бережет для январской книжки как подарок для нового года!![3]

Воображаю себе, и ты вообрази, как бесится Стасюлевич и какая шельма этот Краевский! Он насолил и насолил самым законным образом, если только ты не объявил, печатая повесть, что оная к переводу с немецкого языка на русский тобою не допускается. Кажется, с немцами у нас насчет переводов нет никаких условий, узаконенных правительствами [4].

Не знаю, знаешь ли ты эту новость, но в одном отношении она должна тебя порадовать — как доказательство, с какою жадностью еще ловится в печати твое имя. Краевский, конечно, не имел бы в виду солить сопернику, если бы имя твое, как ты думаешь, утратило интерес и обаяние для читателей [5].

Жду с нетерпеньем твоего письма к Коршу о моих стихах, с нетерпением и даже с некоторым трепетом [6]. Что бы ты ни сказал обо мне, все-таки ты скажешь по-человечески, а я отвык от человеческого голоса — строгого, но справедливого.

Нынче я был также неприятно озадачен — решительно не знаю, что делать? Вольф купил у меня право на издание 2000 экземпляров. Летом я был у одного переплетчика, дабы вернуть ему неполные экземпляры, которые я брал в типографии, и узнал от него, что он переплетает 2000 экземпляров. Теперь случайно я узнал у другого переплетчика, что и он 2000 экземпляров переплетает.

4000. Вольф заплатил мне 500 рублей, остальные же 250 по условию должен выдать когда *все экземпляры будут распроданы*. Вопрос, скоро ли он распродаст 4000 экземпляров по 4 рубля за экземпляр — иначе сказать, скоро ли за мои стихи соберет 16 000 рублей?!

Неужели начать процесс, тягаться! Есть ли у меня на это время? Противны мне всякие тяжбы, отроду я их не имел. Что ты советуешь делать? [7]

Ничего я тебе из своего не посылаю, потому что и посылать нечего. Я не имею ни минуты вполне спокойной — ни минуты отрезвляющего уединения. Мне даже письма писать трудно.

Встаю я в 7 часов утра, стало быть, и по ночам работать не могу, а и без работы страдаю бессонницей, и часто дремлю целый день, перемогаясь и бодрясь.

Не за легкое взялся я дело [8].

В доме все меня любят и уважают — но мне от этого не много легче. Что всего более меня смущает, это то, что едва ли и цель моя будет достигнута, т. е. цель составить себе на старость хоть какой-нибудь капиталец ради спокойной жизни или хоть ради воспитания моего сына [9].

Расходы увеличиваются, скупым быть не могу ни я, ни жена моя. В целую треть года я нажил не более 500 рублей — остальные все пошли на переезд, на отделку новой квартиры, на переправку мебели, на хозяйство, на туалет жены, на книги, на гимнастику и пр. и пр.[10] Но прощай.

Остаюсь твой друг
Я. Полонский

Целую тебя и руку жму твою. Жена тебе не кланяется только потому, что ее нет при мне.

Датируется на основании ответного письма Тургенева от 24 декабря 1869/5 января 1870 г. (ПСП, стр. 167—168).

[1] Федор Иванович *Салаев* (1820—1879) — московский издатель и книгопродавец. В издании братьев Салаевых в 1868—1869 гг. вышли семь томов «Сочинений» Тургенева (восьмой, дополнительный, том был издан в 1871 г.).

[2] «Литературные воспоминания» Тургенева были напечатаны в первом томе его сочинений изд. 1869 г. в следующем составе: «Вместо вступления», «Литературный вечер у П. А. Плетнева» (с рассказом о Пушкине), «Воспоминания о Белинском», «Гоголь» (куда вошли также воспоминания о встречах Тургенева с Жуковским, Крыловым, Лермонтовым и Загоскиным) и «По поводу „Отцов и детей“».

[3] В газете «Голос», издаваемой А. А. Краевским (1869, № 341, 10 декабря), была помещена повесть Тургенева «Странная история» — перевод с немецкого текста повести, напечатанного с разрешения автора в журнале «Der Salon» (Berlin, Oktober, 1869).

Немецкий текст повести был опубликован со следующим примечанием: «Считаем нелишним заметить, что повесть эта написана для нашего издания и представляет первый пример повести, появляющейся в немецком переводе раньше, чем в оригинале» (цит. по публикации «Голоса», где были перепечатаны эти строки). Оригинальный же текст «Странной истории» был обещан Тургеневым Стасюлевичу для январского номера «Вестника Европы» 1870 г. Публикацией обратного перевода повести с немецкого языка, да еще без сомнения порученного случайному переводчику (подписи под переводом не было), Краевский хотел досадить и Тургеневу и Стасюлевичу за

«Воспоминания о Белинском», в которых его отношение к критику было изображено в неприглядном свете. Тургенев писал об этом 24 декабря 1869/5 января 1870 г. И. П. Борисову: «Краевский действительно в „Голосе“ подпустил мне прескверный камуфлет. Никак я не ожидал подобной неделикатности (да и издатель немецкой revue, в которой появился рассказец, уверял меня, что мои соотечественники — из уважения ко мне так не поступят). Вот те и уважение! ⟨...⟩ все-таки Краевский—сукин сын. Это он мне мстит за „Воспоминания о Белинском“» (XII, 423).

В те же дни, когда пришло сообщение Полонского о выходке Краевского, Тургенев получил от Анненкова вырезку из этого номера «Голоса» и пришел в негодование: «Вчера я вернулся в свое здешнее гнездышко и нашел ваше письмо со вложенным презентом на новый год. На что я привык ко всяким безобразиям, а и меня передернуло. И что за глупый семинарист переводил!» (письмо к Анненкову от 20 декабря 1869/1 января 1870 г.— XII, 420—421).

В письмах этого времени Тургенев не раз выражает свое возмущение поступком Краевского (кроме упомянутых писем к Анненкову и Борисову,— см. письма к М. А. Милютиной от 24 декабря 1869/5 января 1870 г. — ПСП, стр. 168—169 и к Писемскому от 27 декабря 1869/8 января 1870 г.— «Новь», 1886, № 23, стр. 188). Свое отношение к происшедшему Тургенев высказал Стасюлевичу в письме от 21 декабря 1869/2 января 1870 г. (Стас., стр. 7). Этим письмом Стасюлевич, по совету Тургенева, сопроводил публикацию повести в первом номере «Вестника Европы» 1870 г. («Письмо к редактору»). Кроме того, «в виде посильного вознаграждения» за урон, понесенный Стасюлевичем в связи с тем, что интерес к повести был снижен для большинства читателей «Голоса», Тургенев прислал в «Вестник Европы» повесть «Степной король Лир» (напечатана в октябрьской книжке).

Когда появление первой книжки «Вестника Европы» дало возможность судить о низком уровне перевода повести в «Голосе», быстро распространилась весть о неблаговидном поступке Краевского. В. П. Буренин в «Санкт-Петербургских ведомостях» писал, что повесть была в «Голосе» обезображена «так, как только может быть обезображена изящная вещь „поденщиками“ такого „невегласа“ в литературных произведениях, каким г. Краевский считался еще от покойного Белинского». В статье Буренина отражено мнение широких литературных кругов о поступке Краевского: «Не он ли сам, в своей газете, при каждом удобном случае, заверяет, что г. Тургенев утратил для русской публики всякое значение с тех пор, как в „Дыме“ изобличил баден-баденских генералов, а в „Воспоминаниях“ невежество г. Краевского и его предосудительные отношения к Белинскому? Зачем же было г. Краевскому так спешить с неблаговидным переводом слабого произведения писателя, который пренебрежен русскою публикой?» («Санкт-Петербургские ведомости», 1870, № 16, 16 января; статья «Журналистика», за подписью Z.).

[4] Отвечая на эти слова Полонского, Тургенев писал: «Краевский напакостил мне омерзительным образом. Так как литературной конвенции между Россией и Германией нет, то я ничего не могу ему сделать. Вперед наука». В дальнейшем Тургенев, действительно, стал осторожен в этом отношении; когда, например, июньская книжка «Вестника Европы» 1870 г. с очерком «Казнь Тропмана» готовилась к выпуску в свет, его немецкий перевод был уже Тургеневым продан, «но с условием явиться позже российского оригинала» (письмо Тургенева к Анненкову от 17/29 мая 1870 г. — «Русское обозрение», 1894, № 4, стр. 513). Но в 1875 и 1877 гг. с Тургеневым вновь произошли истории, подобные описанной (см.: Соч. 1930, т. XII, стр. 659—669. Примечания М. К. Клемана).

[5] После критических отзывов об «Отцах и детях» Тургенев, считая свой писательский авторитет поколебленным, публично заявил о том, что он «подает в отставку»: «Мое двадцатилетнее „служение музам“ окончилось среди постепенного охлаждения публики...»,— писал он в статье «По поводу „Отцов и детей“» (Сочинения, т. I. М., 1869.

[6] Речь идет о статье, посвященной Полонскому, которую Тургенев хотел написать в виде письма к редактору «Санкт-Петербургских ведомостей» В. Ф. Коршу.

[7] «Вольф действительно мерзкую штуку с тобою выкинул, — отвечал Тургенев. — ⟨...⟩ Попробуй с ним сперва лично объясниться: процесс затевать дело щекотливое. Впрочем, посоветуйся с Анненковым».

[8] Полонский имеет в виду свою службу в качестве воспитателя сына С. С. Полякова.

[9] Александр Яковлевич *Полонский* (1868—1934) — старший сын Полонского.

[10] Сомнения Полонского по поводу того, сумеет ли он обеспечить семью, вызвали следующий отклик Тургенева: «Не хандри, пожалуйста, моя душа, и не истребляй самого себя. Ты делаешь все возможное для обеспечения твоей жены и сына: стало быть, ты прав и свят. А что не от тебя зависит, чего переделать нельзя — к чему о том себе голову ломать?»

О переселении на новую квартиру в доме, где жили Поляковы, Полонский писал Тургеневу тогда же, когда сообщил ему о своей службе у Поляковых (в не дошедшем до нас письме от конца сентября или начала октября — см. прим. 1 к п. 3).

6

‹Петербург. 27 декабря 1869/8 января 1870 г.›

Исакиевская площадь, дом № 5,
графа Зубова (быв. Голенищева),
квартира Полякова.

Милейший друг Иван Сергеевич!

Поздравляю тебя с наступившим уже для тебя новым годом. Дай бог тебе всего хорошего...

Жду и я нового года, чтобы прочесть твою повесть (в «Голосе» я не читал ее)[1]. Получил я посланный тобой экземпляр моего романа и очень пожалел о том, что я его от тебя вытребовал; ибо в одной книжной лавочке нашел полный экземпляр «Литературной библиотеки» за 1867 год и за полтора рубля купил его[2]. Таким образом, у меня уже нашелся один экземпляр — и с меня, конечно, этого довольно. Перечел я свое произведение, иначе сказать, мой «chef-d'œuvre», как ты полагаешь, — нашел, что местами растянуто, местами язык не довольно обработан. Очерком же характеров сам остался доволен. Не знаю еще, насколько хватит у меня сил — а главное, свободного времени, для того чтоб продолжать мой роман. Попробую, пойдет — хорошо, не пойдет — делать нечего, брошу...

С великим нетерпением ждал я твоего письма к редакции «Санкт-Петербургских ведомостей» — и, веришь ли, несмотря на мое ожидание и веру в твое слово, я никак даже и представить себе не мог напечатанным письмо твое о моей литературной деятельности. Во-первых, потому что сам честнейший Корш будет в недоумении, сиречь в нерешительности, пустить его или не пустить в печать — хвалить или даже просто симпатически относиться к стихотворной деятельности так как-то не современно — до такой степени озада‹чи›ть многих из числа его *передовых* сотрудников, что, чего доброго, они будут советовать Коршу, если не отказаться совершенно, то погодить печатать, иначе сказать, отложить в долгий ящик.

Во-вторых, я до такой степени убедился в несчастной судьбе моей литературной деятельности, что предчувствую, письма твоего не будет — или потому что ты почему-нибудь его не кончишь — явится такая случайность, которая тебе помешает, или оно пропадет на почте, или пьяный наборщик в типографии нечаянно разорвет его или зальет маслом. Одним словом, явится само собой какое-нибудь препятствие. Так, по крайней мере, было со мной постоянно. Только что хотели писать что-то обо мне в «Московском обозрении» — журнал лопнул [3]. Только что готовили статью о стихах моих в журнале «Время» — журнал запретили [4]. Стал печатать свою поэму «Братья» в «Женском вестнике» — журнал обанкрутился и пал [5]. Только что стал писать роман свой в «Литературной библиотеке» — лопнула. Лучшие главы из моей поэмы «Братья» Катков не печатает, даже на письма мои не отвечает [6]. Вот тебе еще пример: приехал из Парижа приятель мой, Виктор Владимирович Чуйко — переводчик Тэна и парижский хроникер «Санкт-Петербургских ведомостей»[7], и приехал ко мне как раз в то время, когда я наслаждался ругней «Отечественных записок», сиречь рецензией на мои сочинения, появившейся в свет за 2 месяца до появления моего издания [8]. Чуйко пришел в негодование и как поклонник моей музы расхрабрился. «Хорошо же, — говорит, — вот я их! Пишу об вас большую статью в „Вестник Европы“, а если там не напечатают, сам оттисну особенной брошюрой и пущу в продажу. Это какие-то болваны! мало того, какие-то варвары!!» Одним словом, загорелся Чуйко — писать обо мне да и только...

Я тогда же сказал ему: «Вряд ли вы это сделаете». «Непременно, — говорит, — честное слово, с завтрашнего дня начну, только велите Вольфу выдать мне книжки вашего издания». Я Вольфу написал записку, и Чуйко, получивши экземпляр, действительно, принялся работать.

Но с тех пор он сошелся с сотрудниками «Отечественных записок» — с Елисеевым, с Скабичевским, Минаевым и проч. и проч. «Отечественные записки» обещали ему постоянную работу, и с порядочной платой — и вот Чуйко в раздумье. Неделю тому назад говорит мне: «Мудрено мне так писать об вас, чтобы и правду сказать, и не сделать себе врагов в той партии, которая знать не хочет никакой поэзии и непременно оставит меня без работы и без куска хлеба, если я стану хвалить вас или смотреть на вас как на поэта серьезно, а не шутя. Что прикажете делать? Эта партия потому имеет такую силу, что таково все общество. Разве для русского общества в наше время поэт значит что-нибудь? Ничего не значит. Это ноль и больше ничего. Это варварство. Это невежество, все это так, но с волками жить, по-волчьи выть. Если я буду думать по-европейски, я в России умру с голоду — мне не дадут работы».

Вот в каком духе стал говорить мой приятель, и я, конечно, не мог не согласиться с ним. Из каких благ ему, ради меня, подвергать себя изгнанию из самых *капитальных* петербургских журналов. Похвала мне — это диссонанс. Чтобы произвести этот диссонанс, надо быть совершенно независимым и материально и нравственно[9].

Страхов Н. Н. в «Заре» также почему-то ни слова еще не сказал о моем издании[10], вероятно, уже совершенно по другой причине — потому что я не славянофил и в «Заре» не участвовал и едва ли буду участвовать. Мое же стихотворение «Шиньон» было Кашпиревым, то есть редактором «Зари», отвергнуто с негодованием как стихотворение революционное — несмотря на то, что Страхов брал эти стихи под свое покровительство[11]. Одним словом, со всех сторон для меня черные тучи — каким образом твое письмо пробьется сквозь них, как некий солнечный луч!? не постигаю...

И повторяю, что бы ты ни написал обо мне, много добра сделает мне твое письмо[12]. Если не в литературе, то в частной моей жизни. Даже Поляков и тот посмотрит на меня иначе...

Но прощай.

Обнимаю тебя и целую. Вчера я был именинник и жалел, что в этот день не мог обнять тебя. Жена тебе кланяется. Остаюсь твой

Я. Полонский

На это письмо Тургенев отвечал 1/13 января 1870 г. (ПСП, стр. 169).

[1] «Странная история». См. прим. 3 и 4 к предыдущему письму.

[2] См. п. 4 и прим. 9 к нему.

[3] «Московское обозрение» — критический журнал, основанный в 1859 г. в Москве А. Лаксом, оказался недолговечен: вышло всего две книжки за этот год.

[4] «Время» — журнал братьев М. М. и Ф. М. Достоевских, издавался в Петербурге в 1861—1863 гг. Журнал был запрещен в связи с появлением в нем статьи Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», которая по недоразумению была воспринята правительством как выражение сочувствия польскому восстанию 1863 г. В журнале печатались стихотворения Полонского и его «роман в стихах» «Свежее предание». Об интересе журнала Достоевских к поэзии Полонского свидетельствует, кроме того, помещенная в третьей книжке 1861 г. статья «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой» (без подписи). Основная мысль той части статьи, которая посвящена Полонскому, заключается в признании своеобразия его таланта, сформировавшегося «без всякой помощи критики». Специальная статья о Полонском, очевидно, предусматривалась дальнейшими планами редакции.

[5] «Женский вестник» выходил в Петербурге с сентября 1866 г. по февраль 1868 г. (издательница А. Б. Мессарош, редактор Н. И. Мессарош. Фактически журнал редактировал В. А. Слепцов — см. об этом: «Лит. наследство», т. 71, «Василий

Слепцов», 1963, стр. 205—210). Во втором номере журнала 1866 г. были напечатаны первые две главы поэмы Полонского «Братья».

[6] В «Русском вестнике» печаталось продолжение поэмы «Братья», с третьей по восьмую главу включительно (с 1867 г. по 1869 г.). Об отказе Каткова от дальнейшей публикации поэмы мы знаем также из письма Полонского к В. П. Буренину от 8 июня 1869 г. «Редакция „Русского вестника" выкинула из моей повести ‹„Женитьба Атуева"— *Э. П.*› всё, что показалось ей сомнительно с ее точки зрения,— писал Полонский.— На том же основании „Русский вестник" не печатает продолжения моей поэмы „Братья"— просит изменить тон и не хвалить Гарибальди. Изменить тон я не соглашаюсь, но делать исключения дозволено — неволя велит — деньги получил вперед за рукопись и, издержав их, воротить не могу — средств не хватает» («Вестник литературы», 1919, № 9, стр. 16). Но и сокращения, на которые вынужден был пойти Полонский, не помогли: в этом журнале поэма Полонского больше не появлялась. Последние написанные главы поэмы—9-я и 10-я — были опубликованы в четвертом номере «Вестника Европы» 1870 г.

[7] Владимир Викторович *Чуйко* (у Полонского описка: Виктор Владимирович; 1839—1899) — критик и переводчик, с 1867 г. — парижский корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей». Из работ И. Тэна в переводе и с предисловием Чуйко в России были изданы: «Лекции об искусстве, читанные в Парижской школе изящных искусств в 1865 году» (СПб., 1866) и «Критические опыты» (СПб., 1869).

[8] Как указывалось выше (прим. 1 к п. 3), рецензия Салтыкова-Щедрина, появившаяся в сентябре, была посвящена только первым двум томам сочинений Полонского, вышедшим еще весной 1869 г. Третий том, судя по письму Полонского к Тургеневу от 25 ноября 1869 г., вышел в ноябре. Надо полагать, что в словах «за два месяца до появления моего издания» Полонский имел в виду все три тома.

[9] Свое намерение написать о Полонском Чуйко осуществил много позже. В книге «Современная русская поэзия в ее представителях» (СПб., 1885), посвятив специальный раздел поэзии Полонского, он, в частности, коснулся вопроса о «недоброжелательности русской критики или, вернее, одной ее части» к Полонскому в 60-е годы (стр. 11).

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

КОБЗАРЬ

З ДОДАТКОМ

СПОМИНОК про ШЕВЧЕНКА

ПИСАТЕЛІВ

ТУРГЕНЕВА і ПОЛОНСКОГО.

Думи мої, думи мої,
Квіте мої, діти!
Виростав вас, доглядав вас . . .
Де я мені вас діти?

У ПРАЗІ.

Nákladem knihkupectví dra Grégra a Ferd. Dattla.

1876.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ВОСПОМИНАНИЙ ТУРГЕНЕВА И Я. П. ПОЛОНСКОГО О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Т. Г. Шевченко. Кобзарь. Прага, 1876 (*издание на украинском языке*)
Титульный лист

[10] «Заря» — «учено-литературный и политический» журнал, выходивший в Петербурге в 1869 — 1872 гг. Редактором и издателем его был Василий Владимирович Каширев (1836 — 1875), одним из наиболее активных сотрудников — Николай Николаевич Страхов (1828—1896).

[11] Полонский пытался также опубликовать стихотворение «Шиньон» в «Вестнике Европы», но получил отказ (см. Стас., стр. 494). Известен положительный отзыв Тургенева об этом стихотворении (ПСП, стр. 158—159).

[12] Отправив 30 декабря 1869 г. через Анненкова в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей» письмо о Полонском, Тургенев писал ему: «Спешу известить тебя, что статейка моя о тебе отправлена *третьего дня* в „Санкт-Петербургские ведомости" по адресу П. В. Анненкова, которого я прошу продержать корректуру. Ты можешь справиться: если и теперь твоя несчастная звезда восторжествует, тогда уже точно сказать будет нечего» (письмо от 1/13 января 1870 г.). 10/22 января Тургенев справлялся у Анненкова: «...получили ли вы мое письмо о Полонском и поместили ль его в журнале? Он сам, *как чайка*, стонет об этом и уверяет меня в своих письмах, что он так несчастлив и неудачлив, что убежден в непоявлении этого разбора. Пожалуйста, докажите ему противное, хотя, вероятно, особенного *счастья* моя статья ему — увы! — не в состоянии доставить» (XII, 426).

7

‹Петербург. Начало января (до 5-го)/середина января (до 17-го) 1870 г.›

С.-Петербург. Исакиевская площадь,
дом № 5, графа Зубова,
квартира Полякова.

Милейший друг, Иван Сергеевич.

Письмо твое получил я на днях: благодарю тебя и за недоконченную статью обо мне [1]; если ты и раздумаешь ее печатать, дай мне прочитать ее в рукописи. Что бы ты обо мне ни написал, все будет для меня интересно в высшей степени, ибо всё — все слова твои будут вытекать не из мутной лужи, а из чистого источника. Напрасно ты сожалеешь, что напечатал о Базарове [2]. Истина слов твоих слышится всякому, кто не получает платы ни от Некрасова, ни от Краевского — двух капиталистов, у которых на содержании весь наш санкт-петербургский пролетариат. Кто же из числа *свободных* не понимает, что Краевский мстит тебе — за статью о Белинском.

На днях от некоего Васильева слышал я про тебя сплетню и сам тебе сплетничаю. Какой-то Ушаков рассказывал, что еще летом был он в Баден-Бадене на твоей свадьбе. Подробно описывал всю церемонию — одним словом, уверял, что ты женился на m-me Виардо, которая будто бы овдовела [3].

Скажи он, что это все было на днях — я не решился бы этого оспоривать; ибо чего на свете не бывает! Событие это нисколько бы меня не удивило; но летом, т. е. тому назад уже несколько месяцев! и никто этого не знает, ни один журнал не пробалтывается! Это что-то невероятно — и вот почему я горячо доказывал, что это выдумка. О вдовстве m-me Виардо также я не слыхал ни от тебя, ни от Анненкова. Да и тон всех твоих писем ко мне был не таков. Летом ты сожалел о невозможности охотиться — но, сколько мне помнится, ни разу не пожалел об утрате одного из близких тебе сотоварищей по охоте, т. е. о Виардо.

Я не писал и не пишу тебе о подробностях моего пребывания у Полякова. Я взялся воспитывать его сына, т. е. быть при нем чем-то вроде гувернера, за большое — для меня очень большое — жалованье [4].

На этот новый шаг в моей жизни я смотрю как на выгодное для себя несчастие — как на такое несчастие, которому многие завидуют и которого я стыжусь. Я не тот, что *я есмь* — я не призван к тому делу, за которое взялся, хоть и сознаю, что взялся за него не без великой пользы для моего воспитанника. Если бы я в год имел верных 1000 рублей доходу, я нашел бы в мире дешевый, уютный уголок, жил бы среди своих занятий и, быть может, ни от кого

и ни от чего не зависимый, написал бы много хорошего — но не такова судьба моя! Содержание семьи я покупаю, должен покупать тем, что искажаю жизнь мою. Чтоб не быть нахлебником, чтоб не торчать в кабинете или в передней у Краевских и Некрасовых, я поступил на службу — и звание цензора тяжким грузом легло на мою совесть, хотя и тут вполне сознаю *безвредность* моих служебных занятий[5]. Но самое слово *цензор* противно мне, меня самого коробит и, вдобавок, дает оружие в руки врагов моих.

Поляков и семья его, весной или раньше, едет за границу — и вот я решительно не знаю, на что решиться?

Бросить ли ненавистную мне службу или бросить давящее мозг мой, одуряющее меня занятие педагога.

Если я брошу службу, я потеряю пенсион и более верный кусок хлеба променяю на менее верный. Кто может знать, что станется с Поляковым, и притом человека этого я не понимаю, он для меня загадка — у меня нет ключа к его образу мыслей и поступков.

Если я брошу Полякова, я потеряю возможность на старость лет нажить хоть что-нибудь — ибо одним жалованьем ничего не наживешь (все стало страшно дорого). Придет время, надо будет сына воспитывать — может быть, и еще будут дети, ибо (между нами) и теперь жена моя, как кажется, при начале беременности.

Ехать за границу, значит непременно везти жену свою — ибо без ее нравственной помощи я бы с ума сошел. Но куда Поляков хочет отправить жену и детей? Долго ли останется за границей? Он и сам не знает, у него к тому же семь пятниц на неделе.

В случае, если я захочу оставить Полякова, статья твоя обо мне в «Санкт-Петербургских ведомостях» окажет мне великую помощь. Мне ничего больше не останется, как писать, писать и писать. Но писать, зная, что никто твоих трудов и знать не хочет, — тяжело, и это то же, что быть в обществе, где никто с тобой говорить не хочет, никто не признает тебя себе равным, никто не возражает, не отвечает, — где, кроме насмешки или какой-нибудь мерзкой выходки, нечего больше ждать.

Никакого дела с Вольфом затевать я не хочу — пусть хоть 20 000 печатает экземпляров, сам же себя накажет — ибо во всей России теперь и 500 человек не найдешь читающих стихи, а тем паче покупающих [6].

Но прощай.

Извини, что так утруждаю глаза твои моими письмами. Меня то утешает, что ты половину фразы прочтешь, а другую, не читая, знаешь — смекалки у тебя много, так не беда, что моя рука неразборчива.

Целую тебя и обнимаю. До свиданья.

Твой друг
Я. Полонский

Ах да! Поздравляю тебя с новым 1870 годом.

Датируется на основании писем Тургенева — от 24 декабря 1869/5 января 1870 г., на которое (через несколько дней) отвечал Полонский (ПСП, стр. 167—168), и от 1/13 января 1870 г., в котором Тургенев сообщал о высылке «Письма к редактору „Санкт-Петербургских ведомостей“» в Петербург (ПСП, стр. 169—170).

[1] Имеется в виду письмо от 24 декабря 1869/5 января 1870 г., в котором Тургенев пишет, что до сих пор не окончил письма в «Санкт-Петербургские ведомости».

[2] «По поводу „Отцов и детей“» (см. прим. 2 к письму 5). «Оказывается, что моя статейка об „Отцах и детях“ никого не удовлетворила ⟨...⟩ Анненков даже сильно меня распекает»,— писал Тургенев И. П. Борисову 24 декабря 1869/ 5 января 1870 г. (XII, 423).

[3] Подобные разговоры ходили в Петербурге еще в 1857 г., что видно из следующих строк письма Тургенева к Толстому от 3/15 января 1857 г.: «...что за нелепые слухи распространяются у вас! Муж ее здоров как нельзя лучше, и я столь же далек от свадьбы — сколь, напр.,— вы».

[4] Отсюда, между прочим, следует, что письмо Полонского, опубликованное в «Звеньях», т. VIII, стр. 163—166, действительно не было отправлено Тургеневу в том виде, в каком оно дошло до нас. В варианте, посланном Тургеневу, очевидно, не было подробного рассказа о мотивах, заставивших Полонского взять на себя воспитание сына Полякова.

[5] Имеется в виду служба Полонского в Комитете иностранной цензуры (см. прим. 10 к п. 2).

[6] См. выше прим. 7 к письму 5.

8

‹Петербург. 21 января/2 февраля 1870 г.›

21 января ст. ст.
С.-Петербург. Исакиевская площадь, дом № 5, квартира Полякова

Милый мой, дорогой Иван Сергеевич.

Письмо твое появилось в 8 № «Санкт-Петербургских ведомостей»[1]: для меня оно было ожидаемая неожиданность, для других — неожиданность неожиданная.

Друзья мои — то есть много-много что пяток или шестерня приятелей — и в том числе поклонники поэзии, видимо, ему обрадовались. В доказательство посылаю тебе записку, в тот же день присланную мне П. М. Ковалевским [2].

Редакция, видимо, напечатала твое письмо только потому, что ты — никто другой, как Тургенев, — и оговорилась [3].

Как приняли его враги мои (их же несть числа), не ведаю — ибо не вижу их.

Читая письмо твое, я чувствовал то же самое, что, вероятно, чувствует полувысохшее в зной растение в ту минуту, когда его поливают. Кое-что во мне посвежело.

Но благодарность не исключает правды. Выскажу тебе откровенно, что заключение твое о Некрасове меня немножко покоробило. Ты скажешь мне, что это твое искреннее убеждение, — но не всегда возможна и должна быть подобная искренность [4].

Во-первых, все более или менее знают о твоих более чем холодных отношениях к Некрасову и слова твои сочтут за выражение личной мести.

Во-вторых, к словам твоим легко придраться — они на руку нигилистам и всей некрасовской партии. Вот что они скажут: у Некрасова, по мнению Тургенева, нет на грош поэзии — и, несмотря на это, он всех увлек, в свое время был выразителем общественных дум и стремлений, имел и имеет сотни подражателей — одним словом, влиял, пробуждал и пр. и проч. Стало быть, не ясно ли, что поэзия отжила свое время и поступила в число старых игрушек, потеряла всю свою власть и значение. Не правы ли мы, преследуя поэзию как чистое искусство? Если только прав Тургенев, то мы вдвойне правы.

Вот что подумают, и вот какие выводы возникнут из твоего слишком резкого осуждения. Не значит ли это подать оружие в руки врагов своих? [5]

Я с тобой не спорю, но думаю, что одними стихами без поэзии Некрасов не мог бы влиять, не мог бы занять того места в литературе, какое занимал.

Если бы ты сказал, что поэзия, служащая интересам дня, как газета, скоро забывается, что жизнь, выдвигая на сцену новые интересы, душит тех художников, которые служили толпе, не служа искусству, — по моему крайнему разумению ты был бы правее.

Вот что, между прочим, говорил мне Буренин (Z)[6].

Если бы Тургенев бил Некрасова с точки зрения какой-либо партии, он был бы прав — в борьбе партий все позволительно. Но становясь на

почву беспристрастия и справедливости, Тургеневу не следовало бы прибегать к такой крайности, т. е. херить Некрасова и проч.

По-видимому, письмо твое возбудило много толков — недаром же Незнакомец назвал его появление миленьким событием [7].

Вероятно толки эти позднее отзовутся в литературе — у одних усиленной против меня бранью, у других заступничеством.

Что будет, не ведаю — но что бы то ни было, я всеконечно тебе благодарен. Из письма твоего если узнают, что стихи мои изданы и продаются — то и это уже великая помощь и благодеяние.

Отзовись мне на мое письмо. Напиши, дойдет ли оно до тебя. Я нарочно медлил писать, чтоб дать тебе время усесться на одном месте [8].

Читал ли в «Санкт-Петербургских ведомостях», где слегка осуждают тебя за то, что ты, несмотря на свою подагру, присутствовал на казни Тропмана и 7 часов был на воздухе. Автор Парижского письма тебя не оправдывает [9].

Если это отзовется на твоем здоровье, то, признаюсь тебе, и я не стану тебя оправдывать.

В следующем письме пришлю кой-какие стишки. Обнимаю тебя, целую и остаюсь тебе преданный друг

Я. Полонский

Г. П. Данилевский опять собирается послать к тебе свои романы — говорит, что жаждет услышать твое мнение, каково бы оно ни было [10].

Тургенев ответил на это письмо 29 января/10 февраля 1870 г. (ПСП, стр. 170—171).

[1] Статья Тургенева о Полонском была напечатана в «Санкт-Петербургских ведомостях», 1870, № 8, 8 января, под заглавием: «Письмо к редактору „Санкт-Петербургских ведомостей“» (XI, 193—199).

[2] Павел Михайлович *Ковалевский* (1823—1907) — беллетрист и поэт, сотрудник «Современника» и «Отечественных записок». Тургенев был невысокого мнения о его таланте, что видно из его письма к Полонскому от 31 марта/12 апреля 1868 г. (XII, 389). Тургенев отвечал Полонскому: «Я очень рад тому, что тебе письмо мое понравилось (впрочем, не ты один, им остался доволен и Ковалевский, которому прошу передать мой дружеский поклон; даже некто г. Барсуков (Николай), которого я *совсем не знаю, но который очевидно расположен к тебе и к твоей поэзии, написал мне* нечто вроде благодарственной эпистолы)». Местонахождение записки Ковалевского к Полонскому неизвестно. Письмо Н. П. Барсукова к Тургеневу от 10 января 1870 г. хранится в ИРЛИ (архив И. С. Тургенева, 5797. XXX б. 87).

[3] Поместив письмо Тургенева в газете, редакция сделала примечание следующего содержания: «Общее уважение, которым так заслуженно пользуется г-н Тургенев и которое мы вполне разделяем, достаточно объясняет читателям появление настоящего письма в нашей газете, хотя оно и противоречит отчасти отзывам нашей газеты о сочинениях г-на Полонского. Высказывая личное мнение такого первоклассного писателя, каков г-н Тургенев, письмо это далеко не лишено интереса. Мы тоже не отрицаем в г-не Полонском литературного таланта; мы тоже готовы признать, что критик „Отечественных записок“ отнесся к нему слишком отрицательно; но это не мешает нам видеть действительную причину охлаждения критики и публики к писателям той категории, к которой принадлежит г-н Полонский. Это охлаждение не случайно; оно создано не измышлениями того или другого критика, и вовсе не есть особенность русской критики и публики; литературы *французская, английская, немецкая представляют* нам теперь то же самое явление. Общественные задачи повсюду отвлекают внимание от так называемой чистой, точнее, личной поэзии. Талант г-на Полонского, сам по себе не очень сильный, преимущественно почерпает свое содержание в сфере личных, лирических ощущений, лучшее время которых пережито обществом и прошло. Нельзя не отдать полной справедливости и благородству порыва, заставившего г-на Тургенева взяться за перо, чтоб сказать доброе слово в защиту собрата по литературе; нельзя, повторяем, не признать вместе с ним литературного таланта за г-м Полонским; но оговорки, которыми мы сопровождаем письмо г-на Тургенева, кажутся нам существенно необходимыми, когда речь идет о верной критической оценке писателя».

[4] В конце письма Тургенева в редакцию были строки: «...любители русской словесности будут еще перечитывать лучшие стихотворения Полонского, когда самое имя г-на Некрасова покроется забвением. Почему же это? А просто потому, что в деле поэзии живуча только одна поэзия и что в белыми нитками сшитых, всякими пряностя-

ми приправленных, мучительно высиженных измышлениях „скорбной музы" г. Некрасова — ее-то, поэзии-то, и нет на грош...» (XI, 199).

Полонский решил объясниться с Некрасовым и написал ему 24 января письмо, в котором упомянул о своем поклонении его поэтическому таланту, независимо «от каких бы то ни было личных отношений». По поводу письма Тургенева в «Санкт-Петербургские ведомости» Полонский писал так: «Из этого письма я увидел ясно, что одна несправедливость в литературе вызывает еще *бо́льшую* несправедливость. Отзыв И. С. Тургенева о стихах ваших глубоко огорчил меня» («Некрасов. По неизданным материалам Пушкинского дома». Пг., 1922, стр. 278).

Некрасов рассказал об этом письме Салтыкову-Щедрину, тот — Анненкову, а Анненков написал Тургеневу. «Сообщенный им ‹Щедриным. — *Э. П.*› анекдот о письме Полонского к Некрасову „vaut son pesant d'or"*; то-то, я вижу, он прекратил переписку со мною! Вот, поди, после этого, старайся угождать друзьям»,— писал Тургенев полусердясь, полушутя Анненкову (письмо от 27 января/8 февраля 1870 г.— «Русское обозрение», 1894, № 4, стр. 513). Полонского же, который забеспокоился, откуда стало известно Тургеневу о его письме к Некрасову (письмо Полонского к Тургеневу, которое было написано в конце марта 1870 г., не сохранилось), Тургенев поспешил успокоить: «... у меня ‹...› в мыслях не было осуждать тебя за это; напротив — я нашел, что ты и тут поступил с той прямой добросовестностью, которую я так высоко в тебе ценю» (письмо от 4/16 апреля 1870 г.— ПСП, стр. 173).

[5] На это Тургенев отвечал: «Рассуждение твоих врагов насчет бессилия поэзии, которое ты приводишь и предвидишь, уже потому не верно, что именно поэзии-то я в Некрасове не признаю — а увлекать массу — и действовать на своих современников можно и другими вещами — либерализмом и т. д. и т. д.»

[6] Виктор Петрович *Буренин* (1841—1926) — поэт и публицист, в 1860-е годы — активный сотрудник «Искры» и других демократических изданий; с 1876 г. — член редакции «Нового времени», автор многочисленных статей реакционного характера. В период, к которому относится письмо Полонского, Буренин был сотрудником «Санкт-Петербургских ведомостей»; свои еженедельные обзоры журналистики в этой газете он подписывал буквой Z.

[7] Незнакомец — псевдоним А. С. Суворина. В фельетоне «Недельные очерки и картинки» он писал: «Я очень рад, что г. Тургенев напечатал в „Санкт-Петербургских ведомостях" критическую заметку о милом поэте нашем Я. П. Полонском. Не то, чтоб я согласен был с Тургеневым,— до стихов я вообще небольшой охотник, но заметка его, явившись на этой неделе, входит в ряд тех миленьких событий, о которых вправе говорить фельетонист» («Санкт-Петербургские ведомости», 1870, № 11, 11 января).

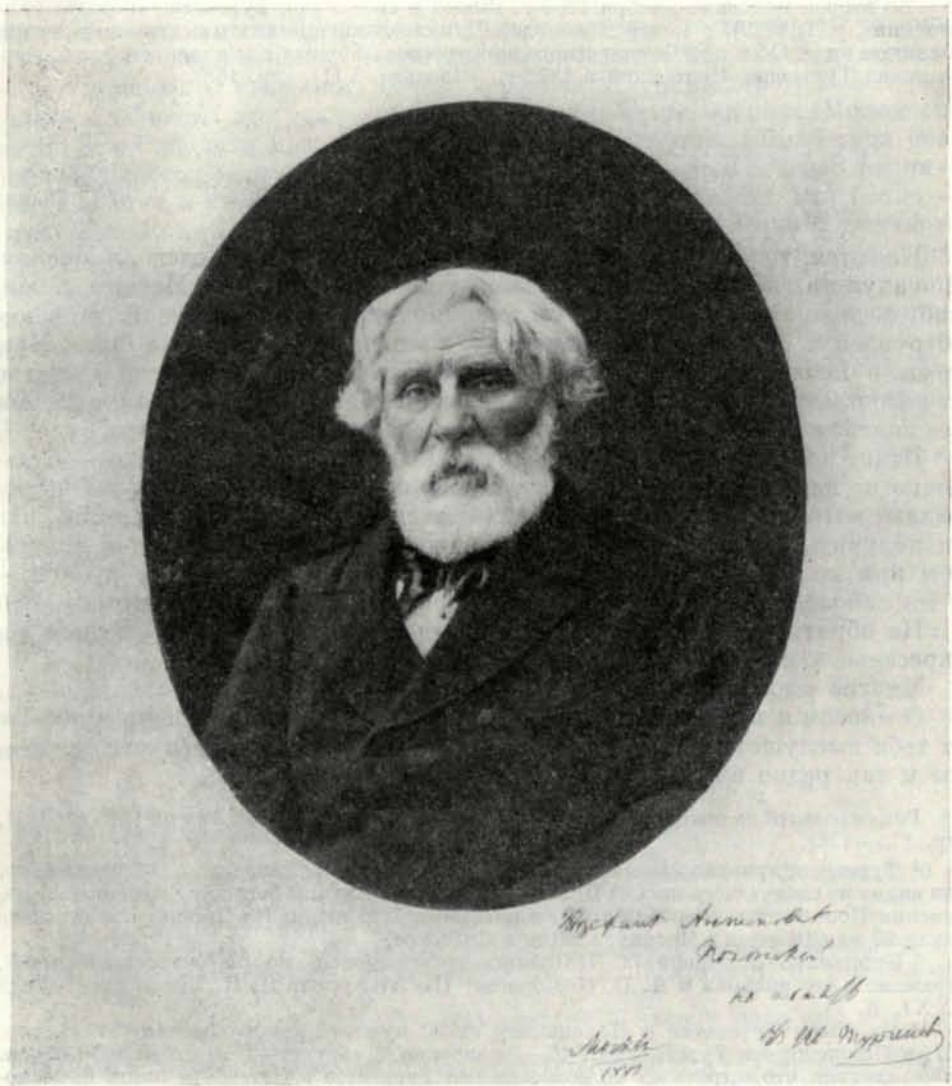
[8] Выехав под новый год (по ст. ст.) из Баден-Бадена в Париж, Тургенев предупредил Полонского, что через неделю уедет из Парижа обратно в Баден-Баден; писать же просил ему по веймарскому адресу, так как намеревался с 20 января/1 февраля остановиться в Веймаре (письмо от 1/13 января 1870 г. — ПСП, стр. 169—170)

[9] В ожидании казни убийцы Тропмана на площади де ля Рокет в Париже, состоявшейся 7/19 января 1870 г., Тургенев пробыл на улице с полуночи до 7 ч. утра. По этому поводу корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» П. Д. Боборыкин писал из Парижа 12/24 января 1870 г.: «Мне рассказывали, что русский романист, проживающий за границей и бывший на этих днях в Париже, пробыл семь часов сряду на площади Рокет, невзирая на свои застарелые ревматизмы. Хотя мне это рассказывали особы, заслуживающие полного доверия, но я все-таки не хочу допустить, что художник, идеалист, проповедник гуманности, способен из простого дилетантизма выжидать, вместе с толпой, преисполненной пошлых инстинктов, минуты репрессалий» (Петр Боборыкин. С итальянского бульвара.— «Санкт-Петербургские ведомости», 1870, № 20, 20 января. Ср. его же: «Заграничная хроника. Дневник заштатного». — «Искра», 1870, № 4, стр. 135, за подписью «Экс-король Вейдевут»).

[10] Григорий Петрович *Данилевский* (1829—1890), писатель, автор многочисленных романов и повестей. Судя по переписке Тургенева с Полонским в феврале 1868 г., Данилевский тогда обращался к Тургеневу с просьбой высказать свое мнение о романе «Новые места»; Тургенев обещал прочитать роман, но добавлял, что «вероятно, Данилевскому хочется не мнения, а комплиментов» (письмо Тургенева к Полонскому от 22 февраля/5 марта 1868 г. — ПСП, стр. 134).

Тургенев вообще относился к Данилевскому и его творчеству с почти нескрываемым презрением. Еще в январе 1854 г. в «Современнике» была опубликована (анонимно) его пренебрежительная рецензия на сборник «малороссийских рассказов» Данилевского «Слобожане» (XI, 162). Полонскому должны были быть памятны и слова Тургенева о Данилевском из его прошлогоднего письма: «Итак, ‹Данилевский› почел за нужное прочесть тебе нотацию: что бы ему на самого себя оглянуться? Уж его-то вещи — точно вода — и больше ничего — и ему-то сам бог велел забыть, что есть на свете

* «на вес золота» (франц.).



ТУРГЕНЕВ

Фотография М. М. Панова. Москва, 1880 г., с дарственной надписью:
«Жозефине Антоновне Полонской на память от Ив. Тургенева. Москва. 1881»
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

«По моему мнению, лучший из всех — это портрет, снятый Пановым в Москве — по работе, освещению и удачно схваченному выражению без сомнения самый лучший» (из письма С. Л. Левицкого к М. М. Стасюлевичу от 29 сентября 1883 г.)

перья и бумага» (письмо от 30 января/11 февраля 1869 г.— «Звенья», VIII, стр. 161); о какой «нотации» Данилевского Полонскому пишет здесь Тургенев, неизвестно.

Во второй половине ноября 1869 г. вышел в свет очерк Тургенева «Гоголь» («Сочинения», т. I, 1869), в котором молодой Данилевский выставлен в смешном и несимпатичном виде. Об обиде Данилевского на Тургенева в связи с появлением этого очерка писал Тургеневу Полонский в 1872 г. («Звенья», VIII, стр. 168).

9

‹Петербург. 28 мая/9 июня 1870 г.›

28 мая

Милый друг Иван Сергеевич.

Кажется, теперь нам не удастся свидеться. Ты завтра едешь в Москву. Пожалуйста, не ругай меня за поручение: перешли из Москвы с кем-нибудь это прилагаемое при сем письмо сестре моей Баршевой, в письме 50 рублей [1]. Она в таком положении, в каком никогда еще не была. Муж опять в больнице, она больна, брат мой Павел тоже в больнице (и сестра за него платит в месяц 6 рублей 50 копеек). Жена брата родила и с детьми без копейки — просто в ужас прихожу, как они живут и как жить будут [2].

Итак, пожалуйста, похлопочи, чтобы письмо мое не пропало — я нарочно не надписал на адресе, что письмо с деньгами. По почте же не посылаю, потому что сестра, получив объявление, все-таки не знала бы, как их получить. При ней никого нет. Заходил один брат, служащий приставом при полиции и получающий с семейством жалованья 25 рублей,— и тот заболел. Выручи, друг, и не брани меня за лишние хлопоты.

На обратном пути уведомь меня, когда ты у меня будешь. Будь в воскресенье в какое-нибудь, приезжай обедать.

Многие желают тебя видеть.

О многом я хочу поговорить с тобой, спросить твоего совета и кое-что от тебя выслушать. Ради бога, не огорчи и обратно не пропусти меня — мы и так редко видимся [3].

Год определен на основании ответного письма Тургенева от 3/15 июня 1870 г. (ПСП, стр. 175—176).

[1] Тургенев, приехав 21 мая из-за границы в Петербург, виделся с Полонским, но, как видно из следующего письма Полонского, встреча их была беглой. О выполнении поручения Полонского он сообщил ему в письме от 3/15 июня. Из Петербурга Тургенев уехал 29 мая/10 июня в Москву, а затем в Спасское.

[2] Бедственное положение П. П. Полонского, обремененного многочисленной семьей, отражено в его письмах к Я. П. Полонскому (ИРЛИ, архив Я. П. Полонского, 12839 LXXI, б. 7).

[3] Из писем Тургенева к Полонскому от 30 июня/12 июля («Звенья», VIII, стр. 167) и Полонского к Тургеневу от 16—20 августа/28 августа—1 сентября 1870 г. (см. ниже) следует, что встреча их по возвращении Тургенева в Петербург опять была короткой. В ответ на записку Тургенева от 30 июня/12 июля с извещением о его выезде за границу Полонский пришел к нему повидаться в гостиницу Клее.

10

‹Петербург. 10/22 июня 1870 г.›

10 июня.
С.-Петербург. Аптекарский остров

Дружище Иван Сергеевич!

Вчера получил я письмо, писанное карандашом, от сестры моей, которая пишет, что ты был у ней [1] — тебя, по фотографической карточке, узнала ее маленькая дочь. Ты застал сестру мою так же, как я застаю ее постоянно в продолжение 10 лет — если не более. Будь я ее мужем — да еще при такой обстановке, мне кажется, что и я давно бы уже с ума сошел. Вероятно, и на тебя ее обвязанная, тощая фигура произвела неприятное,

тяжелое впечатление — к тому же и говорить с тобой ей было трудно от страшной головной боли.

Душевно благодарю тебя за исполнение сего поручения. Извини, если оно тебя обеспокоило. Во всяком случае, полагаю, что теперь ты со мной согласен: нет возможности сестре моей воспользоваться твоим приглашением в деревню — развалину нечего перевозить, она на дороге может рассыпаться. Говорю это без иронии, а с сокрушенным сердцем. Молодость сестры моей прошла при постеле больного отца [2], потом было года два-три небольшого роздыха, но, наконец, она сама заболела и так всю жизнь — одна болезнь, а какая болезнь, никакой доктор не скажет. Все болит — и все же боли этой нет никакого определенного названия, и нет никакого определенного лекарства. Жаль ее маленькой дочки — неглупая девочка. но такая жизнь не может не оставить влияния на ее характер и ее развитие. Она, пишет мать, отгадавши, что ты — Тургенев, была в восторге, что тебя видела. Это делает ей честь, ибо доказывает, что, несмотря на то, что ей не более 10 лет, она уже имеет о тебе кой-какое понятие, слыхала о тебе, может быть, даже и прочла что-нибудь. Я же, как мне помнится, никогда при ней о тебе не говорил.

Ну что, как тебе живется в твоей деревне? [3] Здоров ли ты? Бодр ли или опять унываешь при виде наших русских порядков?

Ох, досадно мне, что не удалось мне с тобой и поговорить порядком, когда мы виделись [4].

Пожалуйста, напиши мне, когда ты вздумаешь обратно отправиться в Питер или иначе, через Питер за границу, — я буду ждать тебя с великим нетерпением.

От Поляковых (как ни выгодно это место) я думаю отказаться в конце июня [5]. Можно отупеть от такого места — а мне тупеть не хочется.

Но прощай, адрес мой тот же — на Аптекарском острове, дача Голенищевой, квартира Полякова. Целую тебя, до свидания.

Твой Я. Полонский

Поклонись от меня Фету [6].

Год определен на основании ответного письма Тургенева от 16/28 июня 1870 г. (ПСП, стр. 177—178).

[1] См. прим. 1 к письму 9.

[2] Петр Григорьевич *Полонский* (ум. в 1852 г.), интендантский чиновник. О его болезни и смерти поэту много писала сестра (см. ИРЛИ, архив Я. П. Полонского, 12847, 12847а, 12847б. XXI, б. 8).

[3] В Спасском Тургенев пробыл со 2/14 июня по 26 июня/8 июля 1870 г.

[4] См. прим. 3 к письму 9.

[5] Судя по письму Полонского от 16—20 августа/28 августа — 1 сентября 1870 г., он отказался от службы у Полякова позднее, чем предполагал. На сообщение Полонского в не дошедшем до нас письме об его уходе от Поляковых Тургенев откликнулся лишь 18/30 декабря 1871 г. (ПСП, стр. 200). Очевидно, это произошло летом 1871 г.

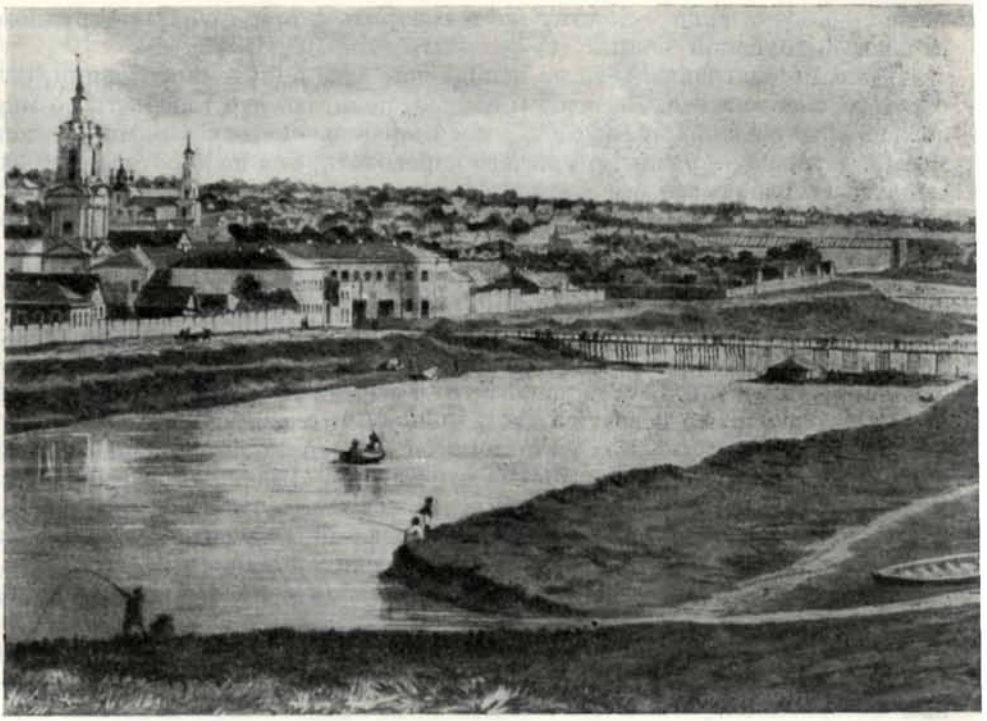
[6] Фет приезжал в Спасское в июне 1870 г., и Тургенев побывал в этот приезд в имении Фета Степановка, расположенном в 70-ти верстах от Спасского. Отвечая на это письмо Полонского, Тургенев сообщил ему о встрече с Фетом. «Я ему передал твой поклон»,— писал он.

11

‹Петербург. 14/26 июня 1870 г.›

С.-Петербург. Аптекарский остров,
дача Голенищевой (быв. графа Нессельроде),
квартира Полякова

Получил я письмо твое, друг Иван Сергеевич, и на дружеские упреки посылаю тебе оправдание [1]. Ты при мне записал мой адрес в свою записную книжку, в первую же ночь нашего свидания [2] — я даже помню, что при



О1
Гравюра неи
«Всемирная иллюстра

этом ты нашел в той же книжке адрес мой 1868 года, когда я жил еще в Лесном и где ты посетил меня.

Что мне в настоящую минуту написать тебе? Мое положение так тяготит меня, что для того, чтобы писать, надо расписаться, и для того, чтобы говорить, надо разговориться. Я, как стопудовый язык колокола, так отяжелел, что не скоро меня раскачаешь. Первая наша встреча после долгой разлуки ограничилась пустячными речами — ничего еще не успел я сказать тебе, да кажется и никогда не успею — потому что у меня иногда и для разговора (откровенного, имеющего какой-нибудь смысл разговора) нужна счастливая минута или вдохновение.

Не упрекай меня, что о сестре моей я ничего не говорил — право нечего говорить. Кое-как жить она сможет, пока еще не отняли у ней мужнего жалованья, за ученье Верочки я плачу, ехать она никуда не может. Что же и толковать?[3]

Как ты проводишь свое время? Где Фет? Господи! как был бы я рад его увидеть, хоть Данилевский и говорит, что он сильно бранит меня за мои стихи, особливо за поэму «Братья»[4]. Ну, да какое мне до этого дело. Мне просто хочется с ним повидаться и, обнимая его, так сказать, вместе с ним обнять нашу старую — некогда молодую поэзию.

Прочел «Казнь Тропмана» — очень хороший рассказ — и положительно всем нравится [5].

Но нет времени. Прощай. Обнимаю тебя нежно.

Твой Я. Полонский

14 Juni

ций вид
художника
6 октября 1874 г.

Год определен по письму Тургенева от 3/15 июня 1870 г., на которое отвечает Полонский (ПСП, стр. 175—176). На это письмо Тургенев ответил 20 июня/2 июля 1870 г. (ПСП, стр. 178—179).

[1] В письме из Спасского от 3/15 июня 1870 г. Тургенев упрекал Полонского за то, что тот не написал в своем письме (от 28 мая/9 июня) обратного адреса. Адресуя свое письмо в редакцию «Зари», Тургенев беспокоился, дойдет ли оно. Получив в Спасском второе письмо от Полонского — от 10 июня, Тургенев писал: «...хоть и не в начале письма, как бы следовало,— а все-таки адрес в твоем последнем письме находится — и потому я могу тотчас отвечать тебе» (письмо от 16 июня — ПСП, стр. 177).

[2] Об этом свидании см. прим. 1 к письму 9.

[3] «...зачем ты при свидании со мною ни слова не сказал мне о положении твоей сестры и ее семейства? Я бы, может быть, в состоянии был помочь, придумать что-нибудь, совет какой-нибудь дать...»,— писал Тургенев 3/15 июня Полонскому.

[4] Передав Фету содержание этих строк, Тургенев отвечал Полонскому: «Дела его очень хороши, но стихи он пишет плохие. Я ему передал твой поклон. Твою музу он очень любит — и дошедшие до тебя слухи неверны».

[5] Очерк «Казнь Тропмана» был напечатан в «Вестнике Европы», 1870, № 6.

12

‹Петербург. 16—20 августа/28 августа — 1 сентября 1870 г.›

С.-Петербург. 16 августа ст. ст.
Аптекарский остров.

Милейший друг Иван Сергеевич! Думали ли мы с тобой, когда расставались перед крыльцом гостиницы Клее, что две образованнейшие нации в Европе ужаснут мир своими братоубийственными подвигами?[1] Давно я не писал к тебе — но книги, тобой забытые, немедленно послал к тебе и с рассыльным расплатился [2]. Ты также с тех пор молчал — но я понимаю

твое молчание: ты, я думаю, был сам ошеломлен так быстро наступившей грозой и, быть может, даже в начале войны сам побаивался за свое баден-баденское гнездо [3].

Дачная жизнь летом не располагает к переписке: почтовый ящик бог знает где — а до почтамта еще дальше, ради письма надо ехать в пыльный, душный город, да еще утром, что для меня положительно невозможно.

Пишу это письмо, потому что дня через два жена моя переезжает с дачи на городскую квартиру: у Поляковых квартиры еще не нанято, а жена моя скоро должна будет разрешиться от бремени — что-то бог даст!

В «Санкт-Петербургских ведомостях» — я только что принялся читать письмо твое — как по слогу и манере догадался, что это твоих рук дело — и не ошибся — под письмом стоит И. Т., сиречь — Иван Тургенев.

Ты явно на стороне немцев. Конечно, нельзя не отдать им справедливости и даже предпочтенья перед французами, а всё же жаль, сильно жаль всего народа, жалко так разочаровываться, быть свидетелем такого глубокого ⟨падения⟩ этой передовой нации [4]. Что же касается до моего сочувствия, то не сочувствую я ни побежденным, ни победителям, коли дерутся, значит, обе стороны не правы.

20 августа

Оканчиваю это письмо уже в городе, куда приехал я навестить мою больную жену. 18 августа бог дал нам дочь Наталью [5]. Жена моя родила почти что в пустой квартире, на другое утро своего бегства с дачи; мебели не успели перевезть. Кой-как перевезли только кровать с подмокшими от дождя тюфяками.

Хлопот и забот для меня был полон рот. Адресуй свои письма по адресу 1868 года — я остановился в том же доме, где жил год тому назад, а именно, на углу 3-й роты Измайловского полка и большого Царскосельского проспекта — дом Николаевой, кв. № 1. Иной квартиры, ближе к центру города, отыскать не мог, город переполнен приезжающими, и квартиры вздорожали — да и все так дорожает, что ужас!

Погода у нас отвратительная, с 1 августа и по сие время — дожди, холода и ветры, на даче скверно; а у Поляковых все еще квартиры нет. Богатство их идет рядом со всевозможными неудобствами. Поразительное неуменье жить и располагать своими средствами!!

Это лето в свободные минуты я немало писал масляными красками и самому странно — чувствую, что сделал большие успехи; потом писал либретто [6]. Был у меня Серов, слушал либретто и остался доволен, особенно тоном, нашел только, что местами порядочно похабно — просил не забывать, что мое либретто будет читаться во дворце великой княгини. Я сам знаю, что кой-что вышло похабно, в сценах между чёртом и ведьмой — но это легко исправить. Вот тебе отрывочек. Чёрт видит, что ведьма поднялась из трубы — и поет, глядя вслед за ней.

Ба ба ба! поднялась,
Потянулась на мороз,
Яко дым столбом.
Космы темных волос
Продувает ветерком.
Ноги врозь — помело
Край сорочки подняло.
Веник машет,
На морозе жаром пашет.
Эй ты! Чёртова ты внучка!
Постой, погоди!
Звезда светит впереди,
Сзади будет тучка!..

Ведьма

У-лю-лю за мной.

Чёрт

За тобой, за тобой,
Как за кошкой кот,
Чёрт и на небо вспрыгнёт
За тобой.

Впрочем, есть еще места позабористее. Серов хохотал, когда слушал,— так уж фантазия моя была настроена.

Извини за выписку.

Пиши мне все, как проводишь время? что пишешь? и так ли, как все почти питерцы, боишься за Курляндию и Лифляндию?[7] Здесь общее мнение, что коли воевать с пруссаками, то теперь воевать — года через 2 или 3 уже будет поздно, не сладишь. Наши немцы уже подняли нос, и страшно важничают. Они вполне убеждены, что судьба Европы — и в особенности России — в руках Германии. Быть может, это и так, но зачем же важничать! Было же время, когда эта судьба была в руках Франции! Кто же может предрекать, что будет в 1912 году, а тем паче в 1940! Я одно могу предсказать, что тогда нас с тобой не будет.

Но довольно, пишу, лежа на диване, усталый и уже дремлющий.

Целую тебя и заочно дружески обнимаю.

Твой друг Я. Полонский

В каких ты отношениях с кн. Д. Оболенским?[8] в переписке ли с ним? и твое доброе слово о ком-нибудь может ли иметь у него вес? Если да, то при случае напиши ему о докторе Матвееве (он с женой француженкой, помнишь, пил чай с нами в Лесном). Он служит в министерстве государственных имуществ — и если Оболенский заменит Зеленого[9], министра,— чего все ждут,— то участь д-ра Матвеева и его карьера будут окончательно в руках князя Оболенского. Он боится интриг, но смело могу тебя удостоверить, что человек хороший и счастливо лечит[10].

Когда ты думаешь быть в России?[11]

Год установлен по упоминанию корреспонденции Тургенева о франко-прусской войне в «Санкт-Петербургских ведомостях». Тургенев ответил на это письмо 6/18 сентября 1870 г. (ПСП, стр. 182—183).

[1] 19 июля (н. с.) 1870 г. началась франко-прусская война. К концу первого же месяца войны французская армия оказалась в крайне тяжелом положении; после кровопролитных боев в районе западнее Меца 18 августа немцы начали готовить наступление на Париж.

[2] В письме от 6/18 сентября 1870 г. Тургенев благодарил Полонского за высылку книг.

[3] «Здесь до сих пор всё тихо. Война, вероятно, не коснется нас», — писал Тургенев из Баден-Бадена М. А. Милютиной 20 июля/1 августа 1870 г. (ПСП, стр. 179). А 12/24 августа он писал И. П. Борисову о том, что в Баден-Бадене по ночам ясно слышна бомбардировка Страсбурга (XII, 431). Но Тургенев долго не покидал своего баденского дома; оставался он там некоторое время и после того, как в начале октября уехали Виардо. Только 1 ноября он выехал в Лондон, так как, по его словам, «не хотелось оставаться в опустелом Бадене» (письмо к М. А. Милютиной от 2/14 декабря 1870 г. — ПСП, стр. 185).

[4] Полонский мог читать либо первую, либо вторую корреспонденцию Тургенева о франко-прусской войне (первая была напечатана в № 216 «Санкт-Петербургских ведомостей», 8 августа; вторая — в № 219, 11 августа). Трудно сказать, какую именно. В обеих Тургенев обнаруживает свою антипатию к французской армии и ко Второй империи (на что отвечает несколько ниже Полонский), и обе подписаны (как и все остальные) буквами «И. Т.». Но одно обстоятельство склоняет нас к тому, что в письме Полонского речь идет скорее о второй корреспонденции Тургенева. «Ты явно на стороне немцев,— пишет Полонский.— Конечно, нельзя не отдать им справедливости и даже предпочтенья перед французами...» «Предпочтение» немцев перед францу-

зами и составляет смысл заключительной части второй корреспонденции: Тургенев здесь прямо пишет об обилии разнородных талантов у немцев, о строгой правильности и ясности их военных замыслов, о силе и точности исполнения, о численном и материальном превосходстве немцев перед французами. Он противопоставляет даже простоту и «честную правду» немецких военных документов и корреспонденций «то яростной, то плаксивой фальши» французской печати.

Сочувствие Тургенева немецкой армии на первых этапах войны отражено и в его переписке (см., например, письма: к И. П. Борисову от 12/24 августа 1870 г. — «Щукинский сборник», вып. VIII, 1909, стр. 415—416, к Л. Фридлендеру от 17/29 августа 1870 г. — «Вестник Европы», 1904, № 4, стр. 654—655 и др.). Но дальнейший ход войны несколько изменил отношение Тургенева к воюющим силам. С падением Второй империи и провозглашением Франции республикой война со стороны Пруссии перестала носить оборонительный характер. И хотя Тургенев, вспоминая о деморализации бонапартистской армии, по-прежнему с уважением отзывался о талантах генералов, возглавлявших прусскую армию (см. рассказ С. М. Сухотина о приезде Тургенева в Москву в 1871 г. — «Русский архив», 1894, № 7, стр. 442), завоевательная политика Вильгельма I не могла вызвать его сочувствия. 3/15 сентября 1870 г. он писал Анненкову: «Падение гнусной империи не изменило моих симпатий, но несколько переставило их. Теперь немцы являются завоевателями, а к завоевателям у меня сердце особенно не лежит» («Русское обозрение», 1894, № 4, стр. 515).

[5] Наталья Яковлевна *Полонская* (1870—1929). В ответном письме Тургенев поздравлял Полонского с рождением дочери.

Два письма Тургенева к Наташе Полонской 1882 г. напечатаны в «Ниве», 1884, № 7, стр. 162 (в тексте воспоминаний Я. П. Полонского «И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину»). Подлинники хранятся в ЦГАЛИ.

[6] Либретто оперы по повести Гоголя «Ночь перед рождеством». По поводу приведенных ниже строк Полонского из либретто оперы Тургенев писал ему: «Отрывок из твоего либретто мне кажется *верным* по тону — не сомневаюсь, что ты сумеешь сладить с сюжетом. Насчет же Серова уверенность моя гораздо слабее. Его музыка мне кажется неоригинальной и „высиженной". А впрочем, я, быть может, ошибаюсь» (письмо от 6/18 сентября 1870 г. — ПСП, стр. 182).

А. Н. Серов успел только начать работу над оперой: в январе 1871 г. он умер. В 1874 г. по готовому либретто Полонского Чайковский написал оперу «Кузнец Вакула». Опера поставлена впервые 24 ноября 1876 г. в Петербурге, на сцене Мариинского театра; текст либретто вышел в свет в том же году (СПб., изд. П. Юргенсона, 1-е изд.). Об истории создания оперы см.: Н. Д. Кашкин. Воспоминания о П. И. Чайковском. М., 1954, стр. 105; П. И. Чайковский. Полн. собр. соч., т. VI. Литературные произведения и переписка. М., 1961, стр. 38—39 (письмо Чайковского к Полонскому от 4 мая 1876 г.). Некоторые материалы сохранились и в архиве поэта (ИРЛИ, архив Я. П. Полонского. Тетрадь 1871 г. — 11096. LXV, б. 2; 12580. LXX, б. 6).

Тургенев и в дальнейшем интересовался оперой, что видно из его письма к Полонскому от 18/30 декабря 1876 г. (XII, 500). Успех оперы был посредственным, после 1881 г. она была снята с репертуара, а в 1885 г. Чайковский решительно переработал и музыку и либретто, дав вновь написанной опере название «Черевички».

[7] Курляндия, или Курляндская губерния,— так называлась по дореволюционному административному делению крайняя западная часть Прибалтики. Лифляндия, или Лифляндская губерния, была расположена в средней части Прибалтики. В случае войны с Германией этим высокоразвитым в промышленном отношении губерниям, расположенным на крайнем западе русского государства, угрожала опасность отторжения от России.

Отвечая на рассуждения Полонского о возможности войны между Россией и Германией, Тургенев писал, что, несмотря на падение империи Наполеона, «не всё впереди — розового цвета — и завоевательная алчность, овладевшая всей Германией, не представляет особенно утешительного зрелища» (ПСП, стр. 183).

[8] О Д. А. *Оболенском* см. выше, стр. 114.

[9] Александр Алексеевич *Зеленый* (1819—1880) — член Государственного совета, министр государственных имуществ с 1862 по 1872 г. Ожидаемой замены Зеленого Оболенским в должности министра государственных имуществ не произошло.

[10] Возможно, речь идет о Павле Матвееве, познакомившемся с Тургеневым в 1862 г. (когда он был еще студентом 1-го курса Харьковского университета).

Тургенев в ответном письме обещал Полонскому замолвить слово за Матвеева перед Оболенским, с которым он был в хороших отношениях, но просил уточнить некоторые данные. В следующем письме, от 27 октября/8 ноября 1870 г. Тургенев писал: «О Матвееве поговорим в Петербурге, куда я полагаю прибыть в самом начале года» (XII, 434).

[11] Ответ Тургенева: «Приеду я в Петербург, „богу изволящу", в конце января и останусь там около десяти дней». В Петербург Тургенев прибыл 13/25 февраля 1871 г.

13

‹Петербург. 28...31 октября/9...12 ноября 1873 г.›

Обуховский проспект,
дом Шольца, № 7, кв. № 6.

Милейший друг Иван Сергеевич!

Сейчас только проснулся, видел во сне не тебя, а твой старый коричневый халат: будто бы я хочу надеть его и никак не могу попасть рукой в рукав — по той причине, что уже рука в рукаве. Что бы сей глупый сон мог значить? Я снам не верю, но иногда они наводят меня на разные размышления. Халат — это покой, это старость. Ты вчерашним своим письмом опять напомнил мне, что и я уже иду к той же пристани, и как бы заставил меня пожелать халата — несмотря на добрые, бодрящие слова твои: «Не унывай, работай!»[1]

Волей-неволей я должен работать до конца дней, до тех пор, пока не опустятся руки или не пришибет нервный удар. Я должен не только работать, но и иметь сбыт в литературных лавочках, чтоб хоть по временам иметь отдых и покой — ибо с двумя тысячами жалованья можно только кой-как кормиться, но не отдыхать.

И я много-много тебе обязан за нравственную поддержку *— мне кажется иногда, что не будь ты моим другом, я бы давно погиб. Никто бы не стал и в журналы брать стихов моих, если бы ты никогда не говорил об них (или о моем таланте) с разными редакторами, журналистами и пр. и пр.

Будь ты в Питере, я бы не напечатал свою «Мими» до тех пор, пока бы не осталось в ней тех прозаических мест, о которых ты говоришь [2]. Ты один яснее всех видишь мои промахи, потому что ты один яснее всех видишь и кой-какие мои достоинства.

Буренин опять написал целый фельетон о моей «Мими», т. е. вынул из нее душу, мысль, связь, и логическую и психологическую,— и в этом виде представил ее на позорище[3].

Я знаю людей, которые ругательски ругают этого Буренина и подлецом, и пошлым дураком, и скотом — одним словом, не щадя эпитетов. Я же просто думаю, что это великий эгоист и только — эгоист, ни разу не заглянувший ни в чужое сердце, ни в чужую голову. Целая бездна страстей и ощущений для него — абсурд, потому что этот человек сам никогда не испытал ничего подобного. Мне кажется, несмотря на то, что он сам пишет стихи, у него нет воображения, и что когда он читает, ну положим хоть эти два стиха Козлова —

Увы! со мною был кинжал,
И он в крови с коня упал[4],

он, т. е. Буренин, невольно подумает — какая же тут связь? — достаточно ли иметь у себя кинжал (т. е. не вынуть его из ножон и не ударить), чтобы кто-нибудь упал в крови!— абсурд!!

Вот отчего ему и на роду написано лаять на всякого — а особливо на того, кто ему не поклоняется — уже два года, как моя нога не была у него — этого он мне не простит, а на «Отечественные записки» он зол, потому что там не приняли и не напечатали его какой-то повести.

Вот, Стасюлевич отказался напечатать у себя в журнале стихотворение «Музыка», которое я посылал к тебе [5],— говорит, что оно чересчур уж лирическое. Что же это значит: чересчур лирическое? Это значит, говорит, что содержания никакого нет. А! понимаю!

* Мне это нужнее, чем поддержка материальная.— *Прим. Полонского.*

Взял назад свою «Музыку» — и ругать Стасюлевича за это не стал бы, если бы и мог. Не дал бог лаю!.. Куда же я гожусь после этого! Просто надевай халат да и только.

Анненков — это что-то легендарное — одни уверяют, что он здесь, что он в Обществе вспомоществования литераторам читает статью под заглавием «Пушкин в деревне»[6], другой говорит — да нет, он за границей, это какой-то другой, должно быть, Анненков. Я видел его на Невском — т. е. видел его профиль с седой бородкой, немного à la Napoléon. Заехал к его доктору Трофиму Ивановичу узнать, где он остановился. «Его в Петербурге нет,— говорит доктор.— Кому же бы и знать, как не мне! Да помилуйте! Я был вчера у его брата Ивана Васильевича — родной брат [7], и тот этого не знает — он бы сказал мне».

Гаевский [8] уверял меня в том, что он здесь — а ты пишешь, что он в Ницце наслаждается солнцем с кухаркой [9]. Какой солнцем! — У нас сырость, мгла и вечные сумерки.

Очень рад, искренно, душевно рад, что твое здоровье поправляется и что ты не хандришь — но тоска бездействия, о которой ты мне пишешь, мне в тебе не нравится, потому что в старости ничего нет убийственнее бездействия [10].

Попробуй дать отставку старому, еще бодрому генералу или придворному, посади его на покой, и он не выдержит — захиреет. Я много видел примеров. Пока князь Воронцов 70 лет ломал походы и по целым суткам не слезал в горах с лошади — был здоров. А как заставила судьба отдохнуть, так и свалился [11].

Мне кажется, что тот год, в который я не напишу ни строчки, ни одного стиха не состряпаю, будет последним годом в моей жизни.

И потому дружбой моей заклинаю тебя, не предавайся покою бездействия — тоска этого покоя та же отрава в старости. Лучше пиши плохо (если только это для тебя возможно), чем сиди сложа руки. Не хочешь повесть писать, пиши записки, воспоминания, характеристики, афоризмы, что хочешь — только бы не было тоски бездействия.

Я тоже, брат, чтоб не было этой тоски, пишу новую поэму — «Келиот»[12]. Эх! кабы ты был здесь!— прочел бы тебе все, что написал. Проверил бы себя или свой труд, да оселка нет.

Сыну моему Але [13] легче, нынче он встал с постели — а когда я писал к тебе последнее письмо, у меня дрожали руки от волнения и от усталости. Я думал, что он ночи не переживет, что его задушит, и до 2-х часов ночи искал доктора.

Прочел ли ты 2-ю часть «Мими»? Она гораздо живее — но ты прав, что зашел я как бы не в свою сферу. Анализ и поэзия — это две вещи, которые, положенные рядом, друг друга разъедают.

Но я утомил глаза твои письмом моим — целую тебя и остаюсь неизменно тебе преданный друг

Я. Полонский

Жена моя свидетельствует тебе свое почтенье. Все желают на тебя взглянуть. Приезжай [14].

Датируется на основании письма Тургенева от 24 октября/5 ноября 1873 г., на которое отвечает Полонский (ПСП, стр. 221—222).

[1] Словами «...работай, пока работается — и не унывай» Тургенев отвечал на жалобы Полонского по поводу глумления Буренина над первой частью поэмы «Мими» в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1873, № 268, 20 сентября — статья «Журналистика. Нечто о возрождении в наши дни поэм и стихотворных повестей»; письмо Полонского к Тургеневу с сообщением о появлении этой статьи см.: «Звенья», VIII, стр. 178—180).

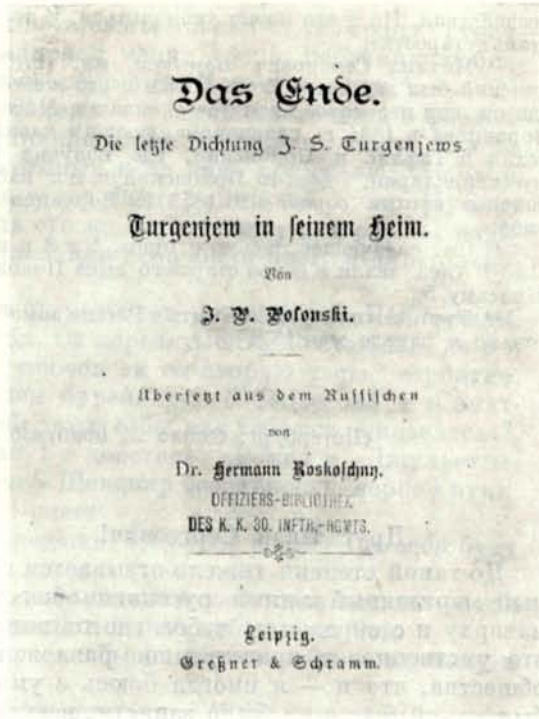
[2] Поэма «Мими» была напечатана в «Отечественных записках», 1873, № 9 и 10. Еще в марте 1873 г. Полонский сообщил Тургеневу о том, что написал повесть в стихах

«КОНЕЦ», ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ ТУРГЕНЕВА С ПРИЛОЖЕНИЕМ ВОСПОМИНАНИЙ Я. П. ПОЛОНСКОГО «ТУРГЕНЕВ У СЕБЯ НА РОДИНЕ»

Рассказ был записан Полиной Виардо под диктовку Тургенева в начале августа 1883 г.

Немецкий перевод, изданный в серии «Russische Taschen-Bibliotek. Eine Auswahle der letzten Werke der russischen Literatur», Bd. C, Leipzig, s. a.

Титульный лист



Das Ende.

Die letzte Dichtung J. S. Turgenjews

Turgenjew in seinem Heim.

Von

J. P. Polonski.

Übersetzt aus dem Russischen

von

Dr. Hermann Roskoschny.

OFFIZIERS-BIBLIOTHEK
DES K. K. 30. INFTR.-REGTS.

Leipzig.
Greßner & Schramm.

«Мими», около 50-ти глав, и высказывал сожаление, что не может услышать мнение Тургенева о ней («Звенья», VIII, стр. 176). Познакомившись с первой частью «Мими» в «Отечественных записках», Тургенев писал 24 октября/5 ноября 1873 г. Полонскому, что многое ему в ней понравилось, но основная задача, которую Полонский взял на себя в поэме — «под руку прозаику», а не лирику.

[3] После выхода октябрьской книжки «Отечественных записок» 1873 г. с окончанием «Мими» в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1873, № 296, 27 октября) было напечатано продолжение статьи Буренина (Журналистика. «Мими», поэма в двух частях г. Полонского — «Отечественные записки», октябрь). Приступая к пересказу содержания второй части «Мими», Буренин писал: «...вторая часть поэмы оказалась таким же невинным и наивным стихоупражнением, как и первая, и я могу о ней беседовать с публикой, не напрягая моей мысли критическим анализом, а просто только увеселяя себя, и вместе с тем моих читателей».

Подчеркивая недостатки поэмы, Буренин оглуплял ее содержание и высмеивал язык; о диалогах он говорил, что они «как будто писаны гимназистом, впервые покусившимся на стихоплетение».

[4] Стихи из главы XI поэмы И. И. Козлова «Чернец» (1824).

[5] Полонский послал текст этого стихотворения в письме к Тургеневу от конца сентября или начала октября 1873 г. «Если будет время, стишонки тебе перепишу», — писал он перед этим и исполнил обещание («Звенья», VIII, стр. 180). «Твое крошечное стихотворение „Музыка“, которое ты поместил в своем письме, мне почти больше нравится, чем вся „Мими“», — откликнулся Тургенев 24 октября/5 ноября.

[6] В это время Анненков работал над книгой «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху». Одна из последних глав его исследования, посвященная пребыванию поэта в Михайловском в 1824 — 1826 гг., была напечатана в «Вестнике Европы», 1874, № 2, стр. 514—558.

[7] Иван Васильевич *Анненков* (1814—1887) — флигель-адъютант и вице-директор инспекторского департамента военного министерства.

[8] Виктор Павлович *Гаевский* (1826—1888) — литератор, один из основателей Литературного фонда и его председатель в течение многих лет. Под редакцией Гаевского и с его примечаниями издано в 1884 г. «Первое собрание писем И. С. Тургенева».

[9] Тургенев писал: «Анненков окончательно поселился на зиму в Ницце, наслаждается солнцем, морем, теплым воздухом и здоровьем. Даже кухарку нашел отличную».

[10] Полонский имеет в виду следующие строки из письма Тургенева: «Физическое здоровье мое недурно — и даже хандры я в себе не замечаю; меня сосет тайная тоска

бездействия. Но и это может угомониться. И тогда я на полных парусах въеду в пристань старости».

[11] Михаил Семенович *Воронцов*, кн. (1782—1856) — генерал-фельдмаршал. Полонский был знаком с Воронцовым и его женой Елизаветой Ксаверьевной по Одессе, где он жил некоторое время по окончании Московского университета. С назначением Воронцова в 1844 г. главнокомандующим кавказских войск и наместником Кавказа уехал в Тифлис и Полонский, где получил место помощника столоначальника в его канцелярии. Здесь-то Полонский и мог наблюдать, как старик Воронцов «ломал походы» против горцев. В 1853 г. Воронцов подал в отставку и через три года умер.

[12] См. следующее письмо и прим. 1 и 8 к нему.

[13] Алей звали в семье старшего сына Полонских Александра. О нем см. прим. 9 к письму 5.

[14] Тургенев намеревался быть в России зимой 1873/1874 г., но приехал в Петербург только в начале мая 1874 г.

14

‹Петербург. Около 24 ноября/6 декабря 1873 г.›

С.-Петербург. Обуховский проспект,
дом Шольца, № 7, кв. № 6

Друг Иван Сергеевич!

До такой степени тяжело отзывается на всем существе моем этот страшный мертвенный застой русского общества, с бездушными праздниками наверху и с скрежетом зубов где-то внизу. До такой степени томит меня это умственное и нравственное разложение всего нашего литературного общества, что я — я иногда боюсь с ума сойти. Всю жизнь мою я чужд был какой бы то ни было зависти, всю жизнь радовался чужим успехам, и до сих пор, явись новый талант или кто-нибудь из прежних напиши что-нибудь замечательное, — я возликую, ибо люблю вообще литературу, а свою личность никогда не поставлю выше интересов общего — и что же — я окружен только враждой, враждой и враждой.

Некрасов, чего доброго, боится, не напишу ли я еще какую-нибудь поэму и не вздумаю ли опять продавать ее [1].

Плещеев, с тех пор как занял у меня небольшую сумму денег, носу не кажет [2].

Майков, которого я понукал работать и ободрял, и утешал так, как никто, — скрывает от меня то, что он делает, читает барыням свой перевод из Эсхила — и когда встречается со мной, ничего не говорит, даже просил не сказывать мне, что ищет место в комитете или в комиссии для рассматривания книг, издающихся для народа, как будто я способен подставить ему ножку! или помешаю ему! [3]

Достоевский глядит на меня исподлобья, как на отщепенца или как на нигилиста. Маркевич, ближайшее лицо к министру народного просвещения [4], хотя со мной и на ты, по старой памяти, но смотрит вельможей екатерининских времен. Он у меня не бывает, да я и не прошу его к себе. Где нам, дуракам, чай пить, принимать таких великих людей!

Корш как-то звал меня к себе обедать, но как я пойду к нему? Что за приятность встречаться с Буревиным? Ведь если он мне поклонится, я попрошу его язык мне высунуть.

Общество Стасюлевича [5] — для меня чуждо и много-много что выносит меня — т. е. меня как стихотворца, а не как человека.

Что же и кто же остается?..

Недаром, ложный слух, что Анненков приехал, заставил меня, высуня язык, бегать и искать его, хоть Анненков тоже человек ко мне равнодушный; но — какая же разница! — это человек, который ни одному литератору в лицо не нахаркает, уж за одно за это я готов обнимать его.

Да вот еще ты остаешься у меня, но ты далеко, стал редко писать ко мне.

Все это время я с лихорадочным нетерпеньем ждал от тебя хоть строчки. Каждый звонок в передней волновал меня. Точно любовник любовницу, ждал я письма с французскими клеймами. И не дождался [6].

Есть у меня еще теперь один приятель — голубь, влетевший в форточку, ручной до невероятности, постоянно сидит у меня на плече или на спине. Спит на бюсте Пушкина, который я на ночь покрываю, чтобы он его не запакостил. И нигде, кроме этого бюста, спать не хочет. Музыку тоже, должно быть, любит: посадишь его на фортепьяно, заиграешь, начинает ворковать в такт — точно маленькая собачонка воет. Жаль только, что глуп.

Обещанный тебе оттиск «Мими» не посылаю — совестно. Ведь стихи, которые не могут удовлетворить тебя, ты перечитывать не станешь, да и я сам их не возьму в руки. Не знаю, прочел ли ты вторую часть? вероятно, прочел, и если прочел под влиянием буренинского фельетона в «Санкт-Петербургских ведомостях», то воображаю себе, как тебе все показалось [7].

Я недавно ради шутки разобрал 1-е действие «Ромео и Джульетты» Шекспира à la Буренин — вышло, что Шекспир бездарность первой руки, пошляк и человеческого сердца не знает.

Меня спрашивают, когда ты приедешь. Почем я знаю? Про себя буду ждать тебя в январе.

Пишу к тебе больной — у меня катаральное состояние легких — вся грудь хрипит, болело и горло, но прошло; нынче побаливает бок.

Эх! с какою бы радостью умер, если бы не страшно было за жену и детей!

Коли я не умею себе друзей нажить, где ж им? Жена моя дама не светская, связей делать не способна, а дети малы.

Но неужели ты и на это письмо не откликнешься хоть строчкой?

Ты спросишь, что я делаю?

Пишу «Келиота». Келиот значит афонский монах, живущий в особенной келье. Действие происходит на одном из греческих островков Архипелага. Написал уже 22 главы, остается еще глав 9, по крайней мере.

Если тоска не загрызет меня, если будничная жизнь не убьет вдохновенья — то к праздникам надеюсь кончить.

Если в минуты, когда я бываю внутренно способен на лирические ⟨картины⟩, ничто мне не помешает, то «Келиот» выйдет одним из лучших моих произведений по изобилию картин и сильных страстей. Если же я должен буду его окончить ради денег — то выйдет плохо [8].

Но прощай.

Целую тебя и обнимаю.
Твой Я. Полонский

Датируется на основании ответного письма Тургенева от 28 ноября/10 декабря 1873 г. (ПСП, стр. 222—224).

[1] В феврале 1874 г. Полонский, несмотря на высказанные здесь в связи с неуспехом «Мими» опасения, все же предложил Некрасову для «Отечественных записок» свою новую поэму «Келиот», но получил отказ («Некрасов. По неизданным материалам Пушкинского дома». Пг., 1922, стр. 289—296).

[2] Об отношениях Полонского с Плещеевым см.: Письма А. Н. Плещеева к Я. П. Полонскому. Публикация Л. С. Пустильник и Г. М. Фридлендера. — ЛА т. VI, стр. 346—352. Денежный долг, о котором пишет Полонский, упоминается в неопубликованной переписке его с Плещеевым (ИРЛИ, архив Я. П. Полонского, 12347. XX б. 3 и ЛБ, ф. 359, № 8228, ед. хр. 62).

[3] Перевод из Эсхила, сделанный А. Н. Майковым, появился в печати в 1874 г. (Кассандра. Сцены из Эсхиловой трагедии «Агамемнон». — «Русский вестник», 1874, № 5). Отчуждение Майкова причиняло Полонскому особенную боль, потому что в прошлом их связывали не только близость поэтических позиций, но и сердечные отношения. «Единственный человек в Петербурге из числа пишущих, с которым

сошелся я, — это А. Н. Майков»,— писал Полонский А. Н. Островскому в первый год своего пребывания в Петербурге (письмо от 10 ноября 1851 г. — «Неизданные письма к А. Н. Островскому. Из архива А. Н. Островского». М.—Л., 1932, стр. 438).

[4] Болеслав Михайлович *Маркевич* (1822—1884) — реакционный романист, автор известной провокационной статьи о Тургеневе в «Московских ведомостях», 1879, № 313, 9 декабря. О дискуссии, разгоревшейся в связи с этой статьей, и об участии Полонского в ней — см.: «Звенья», VIII, стр. 218. С 1866 г. Маркевич служил чиновником особых поручений в Министерстве народного просвещения.

[5] Полонский имеет в виду круг редакции и сотрудников «Вестника Европы».

[6] Жалобы Полонского на одиночество находят следующий отклик в письме Тургенева: «Не думай, чтобы чувство одиночества, которое овладевает тобою, приходится испытать тебе одному: под старость все мы становимся более или менее одинокими — физически и нравственно — если у нас нет семьи или великой и разнообразной общественной деятельности. К тому же „товарищество“ слабо у нас в России, особенно литературное товарищество: всяк тянет свою песенку, идет своей дорожкой». Далее по своему обыкновению Тургенев подбадривает Полонского и призывает его работать.

[7] См. прим. 3 к письму 13.

[8] «...Самое заглавие твоей новой поэмы мне нравится,— отвечал Тургенев на эти строки,— и я всячески поощряю тебя и прошу не унывать и довести свою новую работу до конца».

Из дальнейшей переписки Полонского с Тургеневым и Некрасовым мы знаем, что ему пришлось долго хлопотать о публикации поэмы («Некрасов. По неизданным материалам Пушкинского дома». Пг., 1922, стр. 289—296; ПСП, стр. 229; «Звенья», VIII, стр. 182). Только в октябрьской книжке журнала «Дело» 1874 г. была напечатана первая часть поэмы; окончание «Келиота» под заглавием «Старая борьба» появилось в августовском номере «Русского вестника» 1877 г.